

Николай

РУБЦОВ

Стихотворения

Николай

РУБЦОВ

Стихотворения

ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р82

Серия «Классическая и современная поэзия»
основана в 2000 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

**Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 27.02.06.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 11,6. Тираж 4000 экз. Заказ 1114.**

Рубцов, Н.

Р82 Стихотворения / Николай Рубцов. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 319, [1] с. — (Классическая и современная поэзия).

ISBN 5-17-036553-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-2007-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-4002-5 (ООО «Транзиткнига»)

Стихотворения Николая Рубцова. Внешне простые, они подкупают неподдельной искренностью, эмоциональностью, почти фольклорной афористичностью и певучей лиричностью.

Не потому ли поэзия Рубцова прочно вошла в народное сознание?..

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 985-13-7579-9
(ООО «Харвест»)

СТИХОТВОРЕНИЯ
1962—1971

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде
и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточка, мчался я
в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,

А мимо неслись в торопливом
немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли
и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих
померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной
царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных
белых церквей!..

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет
таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,

Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные
всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший
десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный
всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

ПОДОРОЖНИКИ

Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники,
Потому что, плача и смеясь,
Все прошли бродяги
и острожники —
Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики,
Для людей мечтают позвенеть,
Но цветов певучие бутончики
Разве что послушает медведь.

Разве что от кустика до кустика
По следам давно усопших душ
Я пойду, чтоб думами до Устюга
Погружаться в сказочную глушь.

Где мое приветили рождение
И трава молочная, и мед,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха — это тоже самолет.

Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ да топ от кустика
до кустика —
Неплохая в жизни полоса!

НА НОЧЛЕГЕ

Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг.
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж, — подумал, — зайду давай?»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: — Ночевай!

И отправился в темный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!

Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь:
Ты с рассказом к нему веселым —
Он без звука к себе на печь.

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь.
Я спрошу его: — Надо сколько? —
Он ответит: — Не знаю, сколь!

И отправится в тот же угол,
Долго будет смотреть в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!..

Ночеваю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне,
Только маятник с тихим боем
Все качается на стене.

Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен желт,
Лошадь белая в поле темном
Вскинет голову и заржет...

НА РЕКЕ СУХОНЕ

Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой нелюдимой земли,
И немного огней вдоль по берегу... Мне бы
Снова вольным матросом
Наниматься на корабли!
Чтоб с веселой душой
Снова плыть в неизвестность, —

Может, прежнее счастье мелькнет впереди!..
Между тем не щадят
Эту добрую местность,
Словно чья-нибудь месть, проливные дожди.
Но на той стороне
под всемирным потопом
Притащилась на берег —
Видно, надо — старушка с горбом;
Но опять мужики на подворье
примчались галопом
И с телегой, с конями
Взгромоздились опять на паром.
Вот, я думаю, стать волосатым
паромщиком мне бы!
Только б это избрать, как другие смогли, —
Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой родимой земли,
И немного огней вдоль по берегу...

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Хотя проклинает проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приезжим по следу
В дорогу торопится слишком:
— Я тоже отсюда уеду!

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?

* * *

В полях сверкало. Близилась гроза.
Скорей, скорей! Успеем ли до дому?
Тотчас очнулись сонные глаза,
Блуждает взгляд по небу грозовому.

Возница злой. Он долго был в пути.
Усталый конь потряхивает гривой.
А как сверкнет — шарахнется пугливо
И не поймет, куда ему идти.

Скорей, скорей! Когда продрогнешь весь,
Как славен дом и самовар певучий!
Вон то село, над коим вьются тучи,
Оно село родимое и есть...

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг
журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные клики
Над моим чердаком, над болотом,
забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный
срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает
рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных
птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев
своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа
и природа
Оттого, что — молчи! — так никто
уж не выразит их...

ВЕЧЕРНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Мне лошадь встретилась в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сеносном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил — признаюсь вам —
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных —
не встречаться!

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,

А лес крестов
в окрестностях
России.
Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд покойное мерцанье...

* * *

Сапоги мои — скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиной — гриб,

Подосиновик!
Знаешь, ведьмы в такой глуши
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружа,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
Все дышало бы,
Будто видит твоя душа
сновидение.
И закружат твои глаза
Тучи плавные
Да брусничных глухих
трясин
Лапы, лапушки...

Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.
Эх, не ведьмы меня свели
С ума-разума
песней сладкою —
Закружило меня от села вдали
Плодоносное время
Краткое...

Сапоги мои — скрип да скрип
По́д березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под о́синою,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиной — гриб,
Подосиновик...

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

ДУША ХРАНИТ

Вода недвижнее стекла,
И в глубине ее светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетий,
божий храм.

О, Русь — великий звездочет!
Как звезд не свергнуть
с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты,

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту
былых времен...

СТАРАЯ ДОРОГА

Всё облака над ней,
всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам — качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,

Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Еще порой проскачут верховые,
И снова — глушь, забывчивость, заря,
Все пыль, все пыль да знаки верстовые...
Здесь каждый славен —
мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каясь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

ПРИРОДА

Звенит, смеется, как младенец,
И смотрит солнышку вослед.
И меж берез, домов, поленниц
Горит, струясь, небесный свет.

Как над заплаканным младенцем,
Играя с нею, после гроз
Узорным чистым полотенцем
Свисает радуга с берез.
И сладко, сладко ночью звездной
Ей снится легкий скрип телег...
И вдруг разгневается грозно,
Совсем как взрослый человек!
Как человек богоподобный,
Внушает в гибельной борьбе
Пускай не ужас допотопный,
Но поклонение себе!..

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.

И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

* * *

Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, спелую бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы...
Надо мной
Между березой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...
Я так люблю осенний лес,
Над ним — сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том

Перед дорогою большою
Сказать: — Я был в лесу листом!
Сказать: — Я был в лесу дождем!
Поверьте мне:
я чист душою...

В ГЛУШИ

Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес,
Когда душе моей
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет, —
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...

ПРОМЧАЛАСЬ ТВОЯ ПОРА!

Пасха под синим небом,
С колоколами и сладким хлебом,
С гульбой посреди двора,
Промчалась твоя пора!
Садились ласточки на карниз,
Взвивались ласточки в высоту...
Но твой отвергнутый фанатизм
Увлек с собою и красоту.
О чем рыдают, о чем поют
Твои последние колокола?
Тому, что было, не воздают
И не горюют, что ты была.
Пасха под синим небом,
С колоколами и сладким
хлебом,
С гульбой посреди двора,
Промчалась твоя пора!..

ПЕСНЯ

Отцветет да поспеет
На болоте морошка, —
Вот и кончилось лето, мой друг!

И опять он мелькает,
Листопад за окошком,
Тучи темные вьются вокруг...

Заскрипели ворота,
Потемнели избушки,
Закачалась над омутом ель,
Слышен жалобный голос
Одинокой кукушки,
И не спит по ночам
коростель.

Над притихшей деревней
Скоро, скоро подружки
В облаках полетят с ветерком,
Выходя на дорогу,
Будут плакать старушки
И махать самолету платком.

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
Но в краю незнакомом
Будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу.

Жаль мне доброе поле,
Жаль простую избушку,
Жаль над омутом старую ель...
Что ж так жалобно плачет
На болоте кукушка?
Что ж не спит по ночам коростель?

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

НОЧЬ НА РОДИНЕ

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала
потрясений!

И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я — былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг,

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

ЛИСТЬЯ ОСЕННИЕ

Листья осенние
Где-то во мгле мирозданья
Видели, бедные,
Сон золотой увяданья,

Видели, сонные,
Как, натянувши поводья,
Всадник мрачнел,
Объезжая родные угодья,
Как, встрепенувшись,
Весельюон вновь предавался, —
Выстрел беспечный
В дремотных лесах раздавался!..
Ночью, как встарь,
Не слыхать говорливой гармошки, —
Словно как в космосе,
Глухо в раскрытом окошке,
Глухо настолько,
Что слышно бывает, как глухо...
Это и нужно
В моем состоянии духа!
К печке остывшей
Подброшу поленьев беремя,
Сладко в избе
Коротать одиночества время,
В пору полночную
В местности этой невзрачной
Сладко мне спится
На сене под крышей чердачной,
Сладко, вдыхая

Ромашковый запах ночлега,
Зябнуть порою
В предчувствии близкого снега...
Вдруг, пробудясь,
По лесам зароптали березы,
Словно сквозь дрему
Расслышали чьи-то угрозы,
Словно почуяли
Гибель живые созданья...
Вон он и кончился,
Сон золотой увяданья.

* * *

Седьмые сутки дождь не умолкает.
И некому его остановить.
Все чаще мысль угрюмая мелькает,
Что всю деревню может
затопить.
Плывут стога. Крутясь,
несутся доски.
И погрузились медленно на дно
На берегу забытые повозки,
И потонуло черное гумно.
И реками становятся дороги,

Озера превращаются в моря,
И ломится вода через пороги,
Семейные срывая якоря...

Неделю льет. Вторую льет...
Картина
Такая — мы не видели грустней!
Безжизненная водная равнина,
И небо беспросветное над ней.
На кладбище затоплены могилы,
Видны еще оградные столбы,
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы,
Ломаются, всплывая, и в потемки
Под резким неслабеющим дождем
Уносятся ужасные обломки
И долго вспоминаются потом...

Холмы и рощи стали островами.
И счастье, что деревни на холмах.
И мужики, качая головами,
Перекликались редкими словами,
Когда на лодках двигались впотьмах,
И на детей покрикивали строго,
Спасали скот, спасали каждый дом

И глухо говорили: — Слава богу!
Слабеет дождь... вот-вот...
еще немного...
И все пойдет обычным чередом.

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ

Когда заря
Смеркается и брезжит,
Как будто тонет
В омутной ночи
И в гробовом
Затишье побережий
Скользят ее
Последние лучи,

Мне жаль ее...
Вот-вот... еще
немножко...
И, поднимаясь
В гаснущей дали,
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!

И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.

В эту пору с дороги буранной
Заявился ко мне на ночлег
Непонятный какой-то и странный
Из чужой стороны человек.

И старуха метель не случайно,
Как дитя, голосит за углом,
Есть какая-то жуткая тайна
В этом жалобном плаче ночном.

Обветшалые гнутся стропила,
И по лестнице шаткой во мрак,
Чтоб нечистую выпугнуть силу,
С фонарем я иду на чердак.

По углам разбегаются тени...
— Кто тут?.. — Глухо. Ни звука в ответ.
Подо мной, как живые, ступени
Так и ходят... Спасения нет!

Кто-то стонет всю ночь на кладбище,
Кто-то гибнет в буране — невмочь,
И мерещится мне, что в жилище
Кто-то пристально смотрит
всю ночь...

ПРОЩАЛЬНОЕ

Печальная Вологда дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

Замолкли веселые трубы
И танцы на всем этаже,
И дверь опустевшего клуба
Печально закрылась уже.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

И сдержанный говор печален
На темном печальном крыльце.
Все было веселым в начале,
Все стало печальным в конце.

На темном разъезде разлуки
И в темном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...

СКАЧЕТ ЛИ СВАДЬБА...

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного
бора,
Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
Где-то послышится пение детского хора, —
Так — вспоминаю — бывало и в прежние годы!

Вспыхнут ли звезды — я вспомню, что прежде
блистали
Эти же звезды. А выйду случайно к парому, —
Прежде — подумаю — эти же весла плескали...
Будто о жизни и думать нельзя по-другому!

Ты говоришь, говоришь, как на родине лунной
Снег освещенный летел вороному под ноги,
Как без оглядки, взволнованный, сильный
и юный
В поле открытое мчался ты вниз по дороге!

Верил ты в счастье, как верят в простую удачу,
Слушал о счастье младенческий говор
природы, —

Что ж, говори! Но не думай, что, если заплачу,
Значит, и сам я жалею такие же годы.

Грустные мысли наводит
порывистый ветер.
Но не об этом. А вспомнилось мне, что уныло
Прежде не думал: «Такое, мне помнится, было!»
Прежде храбрился: «Такое ли будет на свете!»

Вспыхнут ли звезды — такое ли будет
на свете! —
Так говорил я. А выйду случайно к парому, —
«Скоро, — я думал, — разбудят меня
на рассвете,
Как далеко уплыву я из скучного дому!..»

О, если б завтра подняться,
воспрянувши духом,
С детскою верой в бессчетные вечные годы,
О, если б верить, что годы покажутся
пухом, —
Как бы опять обманули меня пароходы!..

БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветром хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей...

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем гудел, как улей,
Вот такой же поздний листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

ЗИМОВЬЕ НА ХУТОРЕ

Короткий день.
А вечер долгий.
И непременно перед сном
Весь ужас ночи за окном
Встает. Кладбищенские елки
Скрипят. Окно покрыто льдом.

Порой без мысли и без воли
Смотрю в оттаявший глазок.
И вдруг очнусь — как дико
в поле!
Как лес и грозен, и высок!

Зачем же, как сторожевые,
На эти грозные леса
В упор глядят глаза живые,
Мои полночные глаза?

Зачем? Не знаю.
Сердце стынет
В такую ночь. Но все равно
Мне хорошо в моей пустыне,
Не страшно мне, когда темно.

Я не один во всей вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной —
В печи березовый огонь...

ПО ДРОВА

Мимо изгороди
шаткой,
Мимо разных мест
По дрова спешит лошадка
В Сиперово, в лес.

Дед Мороз идет навстречу.
— Здравствуй!
— Будь здоров!..
Я в стихах увековечу
Заготовку дров.

Пахнет елками и снегом,
Бодро дышит грудь,
И лошадка легким бегом
Продолжает путь.

Привезу я дочке Лене
Из лесных даров
Медвежонка на колене,
Кроме воза дров.

Мимо изгороди шаткой,
Мимо разных мест
Вот и въехала лошадка
В Сиперово, в лес.

Нагружу большие сани
Да махну кнутом
И как раз поспею к бане,
С веником притом!

* * *

Давай, земля,
Немножко отдохнем
От важных дел,
От шумных путешествий!
Трава звенит!
Волна лениво плещет,
Зенит пылает
Солнечным огнем!

Там, за морями,
Полными задора,
Земля моя,
Я был нетерпелив, —
И после дива
Нашего простора
Я повидал
Немало разных див!

Но все равно
Как самый лучший жребий,
Я твой покой
Любил издалека,
И счастлив тем,
Что в чистом этом небе
Идут, идут,
Как мысли, облака...

И я клянусь
Любою клятвой мира,
Что буду славить
Эти небеса,
Когда моя
Медлительная лира
Легко свои поднимет паруса!

Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя
Вращается незримо,
Как ты, Земля,
Вокруг своей оси...

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ

1

Огонь в печи не спит,
перекликаясь
С глухим дождем, струящимся по крыше...
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь, —
И вся она как огненная буря,
Когда по ветру вытянутся ветви
И зашумят, охваченные дрожью,
И листья долго валятся с ветвей,
Вокруг ствола лужайку устилая...

Когда стихает яростная буря,
Сюда приходит девочка-малютка
И робко так садится на качели,
Закутываясь в бабушкину шаль.
Скрипят, скрипят под ветками качели,
И так шумит над девочкой береза
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать.
Они друг другу так необходимы!

Но я нарушил их уединенье,
Когда однажды шлялся по деревне
И вдруг спросил играючи: «Шалунья!
О чем поешь?» Малютка отвернулась
И говорит: «Я не пою, я плачу...»
Вокруг меня все стало так уныло!
Но в наши годы плакать невозможно,
И каждый раз, себя превозмогая,
Мы говорим: «Все будет хорошо».

2

И вот среди осеннего безлюдья
Раздался бодрый голос человека:
— Как много нынче клюквы на болоте!

— Как много нынче клюквы на болоте! —
Во всех домах тотчас отозвалось...
От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни верст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских
поколений...
Зовешь, зовешь... Никто не отзовется...
И вдруг уснет могучее сознанье,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о тебе.
И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся,
Покрытые миражной поволокой
Безбрежной тишины и забытья.
Лишь глухо стонет дерево сухое...
«Как хорошо! — я думал. —
Как прекрасно!»
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук.

Змея! Да, да! Болотная гадюка
За мной все это время наблюдала
И все ждала, шипя и извиваясь...
Мираж пропал. Я весь похолодел.

И прочь пошел, дрожа от омерзенья,
Но в этот миг, как туча, над болотом
Взлетели с криком яростные птицы,
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой,
Что стало мне опять не по себе...

«С чего бы это птицы взбеленились? —
Подумал я, все больше беспокоясь. —
С чего бы змеи начали шипеть?»

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отрава
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Я понял это как предупрежденье, —
Мол, хватит, хватит шляться по болоту!
Да, да, я понял их предупрежденье, —
Один за клюквой больше не пойду...

3

Прошел октябрь. Пустынно за овином.
Звенит снежок в траве обледенелой,
И глохнет жизнь под небом оловянным,

И лишь почтовый трактор хлопотливо
Туда-сюда мотается чуть свет,
И только я с поникшей головою,
Как выраженье осени живое,
Проникнутый тоской ее и дружбой,
По косогорам родины брожу
И одного сильней всего желаю —
Чтоб в этот день осеннего распада
И в близкий день ревущей снежной бури
Всегда светила нам, не унывая,
Звезда труда, поэзии, покоя,
Чтоб и тогда она торжествовала,
Когда не будет памяти о нас...

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Рукой раздвинув
темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те —
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня проносит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный
свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...

* * *

Село стоит
На правом берегу,
А кладбище —
На левом берегу.

И самый грустный все же
И нелепый
Вот этот путь,
Венчающий борьбу
И все на свете, —
С правого
На левый,
Среди цветов
В обыденном гробу...

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.

Там, за рекою, свалка бревен,
Подъемный кран, гора песка,
И торопливо — час не ровен! —

Полощут женщины с мостка
Свое белье — полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны нагоняя,
Летят и воют катера.

Сады. Желтеющие зданья
Меж зеленеющих садов
И темный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов,
Архитектурный чей-то опус,
Среди квартала...
Дым густой...
И третий, кажется, автобус
Бежит по линии шестой.

Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...

О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе, — о, русская земля! —
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смиренье и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далекий слышен звон:
То скорбный он, то гневный и державный!
Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславный...

Да! Он зе́мной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась... Он грозной
былтвердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славной воинской святыней.

Но как — взгляните — чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь — о, русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

ПРИВЕТ, РОССИЯ...

Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

ПОЭЗИЯ

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнет порой лугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильней влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница,
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.

Пусть век простит мне ропот
бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Памяти А. Яшина

...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, —
Скажите мне, кто был тогда не рад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, большой, на борт облокотясь, —
Он, написавший столько мудрых
книжек, —
Смотрел туда, где свет зари и грязь
Меж потонувших в зелени домишек.
И нас, пестрея, радовала вязь
Густых ветвей, заборов и домишек,
Но он, глазами грустными смеясь,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, —
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг, —
Он, написавший столько мудрых
книжек, —
На целый день расстраивался вдруг
Из-за каких-то мелких окунишек.

И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунишек,

Но он, всерьез о чем-то говоря,
Порой смотрел на нас, как на
мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором...

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед
школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

РУССКИЙ ОГОНЕК

Погружены
в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой
Один живой в бескрайнем мертвом поле!

Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне,
как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услыхал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас и теплая одежда... —
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,

И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:

Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый,
Будет ли война?
И я сказал: — Наверное, не будет.

— Дай бог, дай бог...
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... —
И вдруг опять:
— Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет!
— Дай бог, дай бог...
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,

И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею
в то мгновенье?
Но я глухим бренчанием монет
Прервал ее старинные виденья...
— Господь с тобой! Мы денег не берем.
— Что ж, — говорю, — желаю
вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии
тревожном
Горишь для тех, кто в поле
бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Когда в окно осенний ветер свищет
И вносит в жизнь смятенье и тоску, —
Не усидеть мне в собственном жилище,
Где в час такой меня никто не ищет, —
Я уплыву за Вологду-реку!

Перевезет меня дощатый катер
С таким родным на мачте огоньком!
Перевезет меня к блондинке Кате,
С которой я, пожалуй что некстати,
Там много лет — не больше чем знаком.

Она спокойно служит в ресторане,
В котором дело так заведено,
Что на окне стоят цветы герани,
И редко здесь бывает голос брани,
И подают кадуйское вино.

В том ресторане мглисто и уютно,
Он на волнах качается чуть-чуть,
Пускай сосед поглядывает мутно
И задает вопросы поминутно, —
Что ж из того? Здесь можно отдохнуть!

Сижу себе, разглядываю спину
Кого-то уходящего в плаще,
Хочу запеть про тонкую рябину,
Или про чью-то горькую чужбину,
Или о чем-то русском вообще.

Вникаю в мудрость древних изречений
О сложном смысле жизни на земле.
Я не боюсь осенних помрачений!
Я полюбил ненастный шум вечерний,
Огни в реке и Вологду во мгле.

Смотрю в окно и вслушиваюсь в звуки,
Но вот, явившись в светлой полосе,
Идут к столу, протягивают руки
Бог весть откуда взявшиеся други:
— Скучаешь?
— Нет! Присаживайтесь все.

Вдоль по мосткам несется листьев
ворох, —
Видать в окно — и слышен ветра стон,
И слышен волн печальный шум и шорох,
И, как живые, в наших разговорах
Есенин, Пушкин, Лермонтов; Вийон.

Когда опять на мокрый дикий ветер
Выходим мы, подняв воротники,
Каким-то грустным таинством на свете
У темных волн, в фонарном тусклом свете
Пройдет прощанье наше у реки.

И снова я подумаю о Кате,
О том, что ближе буду с ней знаком,
О том, что это будет очень кстати,
И вновь домой меня увозит катер
С таким родным на мачте огоньком...

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ

За годом год уносится навек,
Покоем веют старческие нравы, —
На смертном ложе гаснет человек
В лучах довольства полного и славы!
К тому и шел! Страстей своей души
Боялся он, как буйного похмелья.
— Мои дела ужасно хороши! —
Хвалился с видом гордого веселья.
Последний день уносится навек...
Он слезы льет, он требует участья,
Но поздно понял, важный человек,

Что создал в жизни
ложный облик счастья!
Значенье слез, которым поздно течь,
Не передать — близка его могила,
И тем острее мстительная речь,
Которою душа заговорила...

Когда над ним, угаснувшим навек,
Хвалы и скорби голос раздавался, —
«Он умирал, как жалкий человек!» —
Подумал я, и вдруг заволновался:
«Мы по одной дороге ходим все. —
Так думал я. — Одно у нас начало,
Один конец. Одной земной красе
В нас поклоненье свято прозвучало!
Зачем же кто-то, ловок и остер, —
Простите мне, — как зверь в часы охоты,
Так устремлен в одни свои заботы,
Что он толкает братьев и сестер?!»

Пускай всю жизнь душа меня ведет!
— Чтоб нас вести, на то рассудок нужен!
— Чтоб мы не стали холодны как лед,
Живой душе пускай рассудок служит!

В душе огонь — и воля, и любовь! —
И жалок тот, кто гонит эти страсти,
Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь,
В лучах довольства полного и власти!
— Как в трех соснах, блуждая и кружа,
Ты не сказал о разуме ни разу!
— Соединясь, рассудок и душа
Даруют нам — светильник жизни —
разум!

Когда-нибудь ужасной будет ночь.
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног
его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу
улыбнулись...

В ГОСТЯХ

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И желтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В трущобный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...

Не может быть, чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И желтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырех сторон!

Я продолжаю верить в этот бред,
Когда в свое притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...

Куда меня, беднягу, занесло!
Таких картин вы сроду не видали,
Такие сны над вами не витали,
И да минует вас такое зло!

...Поэт, как волк, напьется натощак.
И неподвижно, словно на портрете,
Все тяжелей сидит на табурете
И все молчит, не двигаясь никак.

А перед ним, кому-то подражая
И суетясь, как все, по городам,
Сидит и курит женщина чужая...
— Ах, почему вы курите, мадам! —
Он говорит, что все уходит прочь,
И всякий путь оплакивает ветер,
Что странный бред,
                    похожий на медведя,
Его опять преследовал всю ночь,
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем,
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живей.
И думал я: «Какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна все реже гаснущая лира,
И странный шум ей слышится в ответ?..»
Но все они опутаны всерьез
Какой-то общей нервною системой:

Случайный крик, раздавшись
над богемой,
Доводит всех до крика и до слез!
И все торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тетки,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...

Когда толпа потянется за гробом,
Ведь кто-то скажет: «Он сгорел... в труде».

СТИХИ

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воет, воет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?

Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

А утром солнышко взойдет, —
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?

Вот так поэзия, она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно
стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...

* * *

О чем шумят
Друзья мои, поэты,
В неугомонном доме
допоздна?
Я слышу спор.

И вижу силуэты
На смутном фоне позднего окна.

Уже их мысли
Силой налились!
С чего ж начнут?
Какое слово скажут?
Они кричат,
Они руками машут,
Они как будто только родились!

Я сам за все,
Что крепче и полезней!
Но тем богат,
Что с «Левым маршем» в лад
Негромкие есенинские песни
Так громко в сердце
Бьются и звучат!

С веселым пеньем
В небе безмятежном,
Со всей своей любовью и тоской
Орлу не пара
Жаворонок нежный,
Но ведь взлетают оба высоко!

И, славя взлет
Космической ракеты,
Готовясь в ней летать за небеса,
Пусть не шумят,
А пусть поют поэты
Во все свои земные голоса!

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда.

Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои, —
Я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои!

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,

В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

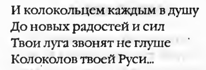
Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!

ЛЕВИТАН

(По мотивам картины «Вечерний звон»)

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола.

Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

ГУЛЯЕВСКАЯ ГОРКА

Остановись, дороженька моя!
Все по душе мне — сельская каморка,
Осенний бор, Гуляевская горка,
Где веселились русские князья.

Простых преданий добрые уста
Еще о том гласят, что каждодневно
Гуляла здесь прекрасная царевна, —
Она любила здешние места.

Да! Но и я вполне счастливый тип,
Когда о ней тоскую втихомолку
Или смотрю бессмысленно на елку
И вдруг в тени увижу белый гриб!

И ничего не надо мне, пока
Я просыпаюсь весело на зорьке
И все брожу по старой русской горке,
О прежних днях задумавшись слегка...

СОСЕН ШУМ

В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.

Какое русское селенье!
Я долго слушал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю,
Наверно, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

НАГРЯНУЛИ

Не было собак — и вдруг залаяли.
Поздно ночью — что за чудеса! —
Кто-то едет в поле за сараями,
Раздаются чьи-то голоса...

Не было гостей — и вот нагрянули.
Не было вестей — так получай!
И опять под ивами багряными
Расходился праздник невзначай.

Ты прости нас, полюшко усталое,
Ты прости, как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер.

Может быть, последний раз нагрянули,
Может быть, не скоро навестят...
Как по саду, садику багряному
Грустно-грустно листья шелестят.

Под луной, под гаснущими ивами
Посмотрели мой любимый край
И опять умчались, торопливые,
И пропал вдали собачий лай...

В СТАРОМ ПАРКЕ

Песчаный путь
В еловый темный лес.
В зеленый пруд
Упавшие деревья.
И бирюза,
И огненные перья
Ночной грозою
Вымытых небес!

Желтея грустно,
Старый особняк
Стоит в глуши
Запущенного парка —
Как дико здесь!
Нужна покрепче палка,
Чтоб уложить
Крапиву кое-как...

Покрывшись пеплом,
Гаснет бирюза.
И там, во тьме
Унылого строенья,
Забытого навек

Без сожаленья,
Горят кошачьи
Желтые глаза.

Не отыскать
Заросшие следы,
Ничей приход
Не оживит картины,
Лишь манят, вспыхнув,
Ягоды малины
Да редких вишен
Крупные плоды.

Здесь барин жил.
И может быть, сейчас,
Как старый лев,
Дряхлея на чужбине,
Об этой сладкой
Вспомнил он малине,
И долго слезы
Катятся из глаз...

Подует ветер!
Сосен темный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,

И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят.

ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Внезапно небо прорвалось
С холодным пламенем и громом!
И ветер начал вкривь и вкось
Качать сады за нашим домом.

Завеса мутного дождя
Заволокла лесные дали.
Кромсая мрак и бороздя,
На землю молнии слетали!

И туча шла гора горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскалывалась высь,
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, беспредельный...

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Ночью я видел:
Ломались березы!
Видел: метались цветы!
Гром, рассылающий
Гибель и слезы,
Всех настигал с высоты!
Как это странно
И все-таки мудро:
Гром роковой перенесть,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть!
Вспыхнул светящийся
Солнечный веер,
Дышат нектаром цветы,
Влагой рассеянной
Озеро веет,
Полное чистой воды!

ДЕТСТВО

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жилье
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Все переменилось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик «Скорей!»,

Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

Вот говорят,
Что скуден был паек,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонек.

До слез теперь
Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало,
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «сирота».

Хотя старушки
Местных деревень
И впрямь на нас

Так жалобно глядели,
Как на сирот
несчастных,
В самом деле,
Но время шло,
И приближался день,

Когда раздался
Праведный салют,
Когда прошла
Военная морока,
И нам подъем
Объявлен был до срока,
И все кричали:
— Гитлеру капут!

Еще прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь:
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали,
Туман покрыл
Разлуки нашей след...

* * *

В святой обители природы,
В тени разросшихся берез
Струятся омутные воды
И раздается скрип колес.

Прощальной дымкою
                                        повиты
Старушки избы над рекой.
Незабываемые виды!
Незабываемый покой!..

Усни, могучее сознанье!
Но слишком явственно
                                        во мне
Вдруг отзовется увяданье
Цветов, белеющих во мгле.

И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там — полночные
                                        светила
Наводят много-много дум...

ЧТО ВСПОМНЮ Я?

Все движется к темному устью.
Когда я очнусь на краю,
Наверное, с резкою грустью
Я родину вспомню свою.

Что вспомню я? Черные бани
По склонам крутых берегов,
Как пели обозные сани
В безмолвии лунных снегов.

Как тихо суслоны пшеницы
В полях покидала заря,
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

И нехотя так на суслоны
Садились, клевали зерно, —
Что зерна? Усталым и сонным,
Им было уже все равно.

Я помню, как с дальнего моря
Матроса примчал грузовик,

Как в бане повесился с горя
Какой-то пропащий мужик.

Как звонко, терзая гармошку,
Гуляли под топот и свист,
Какую чудесную брошку
На кепке носил гармонист...

А сколько там было щемящих
Всех радостей, болей, чудес,
Лишь помнят зеленые чащи
Да темный еловый лес!

КУПАВЫ

Как далеко дороги пролегли!
Как широко раскинулись угодья!
Как высоко над зыбким половодьем
Без остановки мчатся журавли!

В лучах весны — зови иль не зови! —
Они кричат все радостней, все ближе...
Вот снова игры юности, любви
Я вижу здесь... но прежних не увижу.

И обступают бурную реку
Все те ж цветы... но девушки другие,
И говорить не надо им, какие
Мы знали дни на этом берегу.

Бегут себе, играя и дразня,
Я им кричу: — Куда же вы? Куда вы?
Взгляните ж вы, какие здесь
купавы! —
Но разве кто послушает меня...

ЗЕЛЕНЫЕ ЦВЕТЫ

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.

Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

БУКЕТ

Я буду долго
Гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
— С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! —
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,

Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго
Гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

ЗАЧЕМ?

Она совсем еще ребенок —
И ясен взгляд, и голос тонок.
Она совсем еще дитя —
Живет играя и шутя.

— Давай походим темным лесом!
— Давай разбудим соловья!
Там у дороги под навесом
Моя любимая скамья.

— Давай сбежим скорее в поле!
— Давай посмотрим на зарю!.. —

Я подчиняюсь поневоле
И тоже что-то говорю.

Но чувства борются во мне,
Я в жизни знаю слишком много,
И часто с ней наедине
Мне нелегко и одиноко.

И вот она уже грустна,
И вот уже серьезней встречи,
Совсем запутает она
Клубок моих противоречий!

Зачем же мы ходили лесом?
Зачем будили соловья?
Зачем стояла под навесом
Та одинокая скамья?

СВИДАНИЕ

Мы входим в зал.
Сияющие люстры
От напряженья,
Кажется, дрожат!
Звенит хрусталь

И действует на чувства,
Мы входим в зал
Без всякого искусства,
А здесь искусством,
Видно, дорожат.

Швейцар блистает
Золотом и лоском,
Официант —
Испытанным умом,
А наш сосед —
Шикарной папироской...
Чего ж еще?
Мы славно отдохнем!

У вас в глазах
Восторг и упоенье,
И в них такая
Гордость за меня,
Как будто я
Здесь главное явленье,
Как будто это
Все моя родня!

Чего ж еще?..
С чего бы это снова,

Встречая тихо
Ласку ваших рук,
За светлой рюмкой
Пунша золотого
Я глубоко
Задумываюсь вдруг?..

РАСПЛАТА

Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом
светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачнею, как вспомню об этом.

И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...

Поздно ночью откроется дверь.
Невеселая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.

Побледнеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..

И опять по дороге лесной
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...

В ДОРОГЕ

Зябко в поле непросохшем,
Не с того ли детский плач
Все назойливей и горше...
Запоздалый и продрогший
Пролетел над нами грач.
Ты да я, да эта крошка —
Мы одни на весь простор!
А в деревне у окошка
Ждет некормленая кошка
И про наш не знает спор.
Твой каприз отвергнув тонко,
Вижу: гнев тебя берет!
Наконец, как бы котенка,

Своего схватив ребенка,
Ты уносишься вперед.
Ты уносишься... Куда же?
Рай там, что ли? Погляди!
В мокрых вихрях столько блажи,
Столько холода в пейзаже
С темным домом впереди.
Вместе мы накормим кошку!
Вместе мы затопим печь!..
Молча глядя на дорожку,
Ты решаешь понемножку,
Что игра... не стоит свеч!

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметеленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

ПАМЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

В детстве я любил ходить пешком,
У меня не уставали ноги.
Помню, как однажды с вещмешком
Весело шагал я по дороге.

По дорогам даже в поздний час
Я всегда ходил без опасенья,
С бодрым настроеньем в этот раз
Я спешил в далекое селенье...

Но внезапно ветер налетел!
Сразу тьма сгустилась! Страшно стало!
Хмурый лес качался и шумел,
И дорогу снегом заметало!

Вижу: что-то черное вдали
Сквозь метель маячит... Нет, не елки!
Ноги будто к месту приросли!
В голове мелькнуло: «Волки, волки!..»

Волки мне мерещились не раз
В обгоревших пнях. Один, без друга,
Я дрожал от страха, но тотчас
Шел вперед, опомнясь от испуга.

Шел я, спотыкаясь, а метель,
Мне сугроб под ноги наметая,
То вдруг: «У-у-у!» — кричала в темноте,
То вдруг: «А-а-а!» — кричала,
как живая!

...После все утихло. Рассвело.
Свет зари скользил по белым склонам.
Я пришел, измученный, в село.
И друзья спросили удивленно:

— Что случилось? Ты не заболел?
— Ничего, — ответил я устало. —
Просто лес качался и шумел,
И дорогу снегом заметало...

* * *

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском, и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

ВЫПАЛ СНЕГ...

Выпал снег —
и все забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилось,
Словно выпил я вина.

Вдоль по улице по узкой
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Снег летит — гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.

ВОРОНА

Вот ворона сидит на заборе.
Все амбары давно на запоре.
Все обозы прошли, все подводы,
Наступила пора непогоды.

Суетится она на заборе.
Горе ей. Настоящее горе!
Ведь ни зернышка нет у вороны
И от холода нет обороны...

ЛАСТОЧКА

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

ВОРОБЕЙ

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!

И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой, —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

КОЗА

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
— Как не стыдно тебе, егоза? —
И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород.

МЕДВЕДЬ

В медведя выстрелил лесник.
Могучий зверь
к сосне приник.
Застряла дробь
в лохматом теле.
Глаза медведя слез полны:
За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь...

ГОЛОЛЕДИЦА

В черной бездне
Большая Медведица
Так сверкает! Отрадно взглянуть.
В звездном свете блестя,
гололедица
На земле обозначила путь...
Сколько мысли,
И чувства, и грации
Нам являет заснеженный сад!
В том саду ледяные акации
Под окном освещенным горят.
Вихревыми, холодными струями
Ветер движется, ходит вокруг,
А в саду говорят поцелуями
И пожатием пламенных рук.
Заставать будет зоренька макова
Эти встречи — и слезы, и смех...
Красота не у всех одинакова,
Одинакова юность у всех!
Только мне, кто любил,
Тот не встретится,

Я не знаю, куда повернуть,
В тусклом свете блестя,
гололедица
Предо мной обозначила путь...

ВСТРЕЧА

— Как сильно изменился ты! —
Воскликнул я. И друг опешил.
И стал печальней сироты...
Но я, смеясь, его утешил:
— Меняя прежние черты,
Меняя возраст, гнев и милость,
Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..

ДО КОНЦА

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захолустной

Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

НА РОДИНУ!

Во мгле, по холмам суровым, —
Без фар не видать ни зги, —

Сто километров с ревом
Летели грузовики,
Летели почти по небу,
Касаясь порой земли.
Шоферы, как в лучший жребий,
Вцепились в свои рули,
Припали к рулям, как зубры,
И гнали — в леса, в леса! —
Жестоко оскалив зубы
И вытаращив глаза...
Я молча сидел в сторонке,
Следя за работой мужчин
И радуясь бешеной гонке
Ночных продуктовых машин.
Я словно летел из неволи
На отдых, на мед с молоком...
И где-то в зверином поле
Сошел и пошел
пешком.

ХЛЕБ

Положил в котомку
сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.

Хлеб не взял.
— Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль! —
Все же бабка
сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
— Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет...

ПОЕЗД

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом,
И ему навстречу желтым роем
Понеслись огни в просторе мглистом.
Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья...

Вот он, глазом огненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понес меня, как леший!
Вместе с ним и я в просторе мглистом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

ВЕСНА НА БЕРЕГУ БИИ

Сколько сору прибило к березам
Разыгравшейся полой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой,
Яркий шар восходящего солнца,

Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем
У прилавка
и куст под оконцем —
Все купается, тонет, смеется,
Пробираясь в воде и в грязи!

Вдоль по берегу бешеной Бии
Гонят стадо быков верховые —
И, нагнувши могучие выи,
Грозный рев поднимают быки.
Говорю вам: — Услышат глухие! —
А какие в окрестностях Бии —
Поглядеть — небеса голубые!
Говорю вам: — Прозреют слепые,
И дороги их будут легки...

Говорю я и девушке милой:
— Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица — все это было
И прошло, — улыбнись же скорей!

Улыбнись! — повторяю я милой, —
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

То желтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи...
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут —
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.

Скулит щенок
И все ползет к ребенку,
А тот забыл,
Наверное, о нем, —
К ромашке тянет
Слабую ручонку
И говорит...
Бог ведает, о чем!..
Какой покой!
Здесь разве только осень
Над ледоносной
Мечется рекой,
Но крепче сон,
Когда в ночи глухой

Со всех сторон
Шумят вершины сосен,

Когда привычно
Слышатся в лесу
Осин тоскливых
Стоны и молитвы, —
В такую глушь
Вернувшись после битвы,
Какой солдат
Не уронил слезу?

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище
И вот пою
Про уголок Руси,
Где желтый куст,
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забытое в грязи...

ШУМИТ КАТУНЬ

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!

Лицом к реке садился я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь — свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...

Все поглотил столетий темный зев!
И все в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом —
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные аилы,

Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит
Катунь...

В ПУСТЫНЕ

Сотни лет,
Пролетевших без вести.
Сотни лет,
Сверхъестественно злой,
Как задуманный
Кем-то для мести,
Сотни лет
Над пустынями зной!

Шли с проклятьями
Все караваны...
Кто ж любил вас?
И кто вас ласкал?
Кто жалел
Погребенные страны
Меж песков
И обрушенных скал?

Хриплым криком
Тревожа гробницы,
Поднимаются,
Словно кресты,
Фантастически мрачные
Птицы,
Одинокие птицы
пустынь...

Но и в мертвых
Песках без движенья,
Как под гнетом
Неведомых дум,
Зреет жгучая
Жажда сраженья,
В каждом шорохе
Зреет самум!..

В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ

Над горной долиной —
мерцанье.
Над горной долиной — светло.
Как всяких забот отрицанье,
В долине почило село.

Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны...
Не здесь ли разбойник морской
Мечтал залечить свои раны,
Измученный парусом рваным,
Разбоем своим и тоской?

Я видел суровые страны,
Я видел крушенье и смерть,
Слагал я стихи и романы, —
Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берез...

* * *

Сибирь как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый —
Воздушный, солнечный,
цветистый,
Как мыльный радужный пузырь.

А вдруг он лопнет, этот мир?
Вот-вот рукою кто-то хлопнет —
И он пропал... Но бригадир
Сказал уверенно: «Не лопнет!»

Как набежавшей тучи тень,
Тотчас прошла моя тревога, —
На бригадира, как на бога,
Смотрел я после целый день...

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Еще бы церковь у реки, —
И было б все по-вологодски.

ЦВЕТЫ

По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: — А как назывались? —
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались — «анютины глазки».

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти! На знобящем причале,
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой настигающий топот
Все мне слышится, словно в бреду.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю —
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

У ЦЕРКОВНЫХ БЕРЕЗ

Доносились гудки
с отдаленной пристани.
Замутило дождями
Неба холодную просинь,

Мотыльки над водою,
усыпанной желтыми листьями,
Не мелькали уже — надвигалась осень...
Было тихо, и вдруг
будто где-то заплакали, —
Это ветер и сад,
Это ветер гонялся за листьями,
Городок засыпал,
и мигали бакены
Так печально в ту ночь у пристани.
У церковных берез,
почерневших от древности,
Мы прощались,
и пусть,
опьяняясь чинариком,
Кто-то в сумраке,
злой от обиды и ревности,
Все мешал нам тогда одиноким фонариком.
Пароход загудел,
возвещая отплытие вдаль!
Вновь прощались с тобой
У какой-то кирпичной оградины,
Не забыть, как матрос,
увеличивший нашу печаль,
— Проходите! — сказал.

— Проходите скорее, граждане! —
Я прошел. И тотчас,
всколыхнувши затопленный плес,
Пароход зашумел,
Напрягаясь, захлопал колесами...
Сколько лет пронеслось!
Сколько вьюг отсвистело и гроз!
Как ты, милая, там, за березами?

У РАЗМЫТОЙ ДОРОГИ...

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет —
Позднее время — спешат запоздалые дроги.
Плачет звезда, холодея, над крышей сарая...
Вспомни — о родина! — праздник
на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной мы катались, играя,
Снег освещенный летел вороному под ноги.
Бег все быстрее... Вот вырвались в белое поле.
В чистых снегах ледяные полынные воды.
Мчимся стрелой... Приближаемся
к праздничной школе.
Славное время! Души моей лучшие годы.

Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льется ли чудное пение детского хора, —
О, моя жизнь! На душе не проходит волненье...
Нет, не кляну я мелькнувшую мимо удачу,
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...

ПО ДОРОГЕ К МОРЮ

Въезжаем в рощу золотую,
В грибную бабушкину глушь.
Лошадка встряхивает сбрую
И пьет порой из теплых луж.

Вот показались вдоль дороги
Поля, деревни, монастырь,
А там — с кустарником убогим
Унылый тянется пустырь.

Я рад тому, что мы кочуем,
Я рад садам монастыря
И мимолетным поцелуям
Прохладных листьев сентября.

А где-то в солнечном Тифлисе
Ты ждешь меня на той горе,
Где в теплый день, при легком бризе,
Прощались мы лицом к заре.

Я опечален: та вершина
Крута. А ты на ней одна.
И азиатская чужбина
Бог знает что за сторона?

Еще он долог по селеньям,
Мой путь к морскому кораблю,
И, как тебе, цветам осенним
Я все шепчу: «Люблю, люблю...»

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ

Улетели листья
с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалей ты листья, не жалей,
А жалей любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья
улетели?

НА АВТОТРАССЕ

Какая зловещая трасса!
Какая суровая быль!
Шоферы высокого класса
Газуют сквозь ветер и пыль.

Газуют во мраке таежном
По рытвинам в грозной ночи...
— Эй! Где тут начальник
дорожный?
— Лежит у себя на печи...

Шоферы уносятся с матом,
Начальству от них не уйти!
Но словно с беспомощным
братом
Со мной обошлись по пути.

Я шел, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
— Куда ты?
— В деревню Предтеча.
— Откуда?
— Из Тотьмы самой...

За мною захлопнулась дверца,
И было всю ночь напролет
Так жутко и радостно сердцу,
Что все мы несемся вперед,

Что все мы почти над кюветом
Несемся куда-то стрелой,
И есть соответствие в этом
С характером жизни самой!

ГРАНИ

Я вырос в хорошей деревне,
Красивым — под скрип телег!
Одной деревенской царевне
Я нравился как человек.

Там нету домов до неба,
Там нету реки с баржой,
Но там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.

Мужал я под грохот МАЗов,
На твердой рабочей земле...
Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе.

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...

* * *

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
— Какое место вам? — Любое.
Любое место, край любой.

Еще волнует все, что было.
В душе былое не прошло.
Но слишком дождь шумел уныло,
Как будто все произошло.

И без мечты, без потрясений
Среди одних и тех же стен
Я жил в предчувствии осеннем
Уже не лучших перемен.

— Прости, — сказал родному краю, —
За мой отъезд, за паровоз
Я несерьезно. Я играю.
Поговорим еще всерьез.

Мы разлучаемся с тобою,
Чтоб снова встретиться с тобой.
Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!

В ИЗБЕ

Стоит изба, дымя трубой,
Живет в избе старик рябой,
Живет за окнами с резьбой
Старуха, гордая собой,
И крепко, крепко в свой предел —
Вдали от всех вселенских дел —
Вросла избушка за бугром
Со всем семейством и добром!
И только сын заводит речь,
Что не желает дом стеречь,
И все глядит за перевал,
Где он ни разу не бывал...

ГОСТЬ

Гость молчит,
и я — ни слова!
Только руки говорят.

По своим стаканам снова
Разливаем все подряд.

Красным,
белым
и зеленым
Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье — хоть женись!

Я молчу, я слышу пенье,
И в прокуренной груди
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?

Как же так —
скажи на милость! —
В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?

Красным,
белым
и зеленым
Нагоняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели бога нет?

ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь, —
Вдруг проносится «скорая помощь»,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.
И такие мне речи поют,
Что грешно за участье такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берез
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слез...
Нет, не все, — говорю, — пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело —
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьез
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берез...

СТОИТ ЖАРА

Стоит жара. Летают мухи.
Под знойным небом
чахнет сад.
У церкви сонные старухи
Толкутся, бредят, верещат.

Смотрю угрюмо на калеку,
Соображаю, как же так —
Я дать не в силах человеку
Ему положенный пятак?

И как же так, что я все реже
Волнуюсь, плачу и люблю?
Как будто сам я тоже сплю
И в этом сне тревожно
брежу...

ЭЛЕГИЯ

Отложу свою скудную пищу.
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

СУДЬБА

Легкой поступью,
кивая головой,
Конь в упряжке
прошагал по мостовой.
Как по травке,
по обломкам кирпича
Прошагал себе, телегой грохоча.
Между жарких этих
каменных громад
Как понять его?
Он рад или не рад?
Бодро шел себе,
накормленный овсом,
И катилось колесо за колесом...
В чистом поле
меж товарищей своих
Он летал, бывало, как
весенний вихрь,

И не раз подружке милой на плечо
Он дышал по-молодому горячо.
Но однажды в ясных далях сентября
Занялась такая грустная заря!
В чистом поле,
незнакомцев веселя,
Просвистела,
полонив его,
петля.
Тут попал он, весь пылая и дрожа,
Под огонь ветеринарного ножа,
И поднялся он, тяжел и невесом...
Покатилось
колесо
за колесом.
Долго плелся он с понурой головой
То по жаркой,
То по снежной мостовой,
Но и все-таки,
хоть путь его тяжел,
В чем-то он успокоение нашел.
Что желать ему?
Не все ли уж равно?
Лишь бы счастья
Было чуточку дано,

Что при солнце,
что при дождике косом...
И катилось колесо
за колесом.

ИДЕТ ПРОЦЕССИЯ

Идет процессия за гробом.
Долга дорога в полверсты.
На ветхом кладбище — сугробы
И в них увязшие кресты.

И длится, длится поневоле
Тяжелых мыслей череда,
И снова слышно, как над полем
Негромко стонут провода.

Трещат крещенские морозы.
Идет народ... Все глубже снег...
Все величавее березы...
Все ближе к месту человек.

Он в ласках мира, в бурях века
Достойно дожил до седин.
И вот... Хоронят человека...
— Снимите шапку, гражданин!

ОТТЕПЕЛЬ

Нахмуренное,
с прозеленью,
небо,
Во мгле, как декорации, дома,
Асфальт и воздух
Пахнут мокрым снегом,
И веет мокрым холодом зима.
Я чувствую себя больным и старым,
И что за дело мне до разных там
Гуляющих всю ночь по тротуарам
Мне незнакомых девушек и дам!
Вот так же было холодно и сыро,
Сквозил в проулках ветер и рассвет,
Когда она задумчиво спросила:
— Наверное, гордишься, что поэт? —
Наивная! Ей было не представить,
Что не себя, ее хотел прославить,
Что мне для счастья
Надо лишь иметь
То, что меня заставило запеть!
И будет вечно веять той зимою,
Как повторяться будет средь зимы
И эта ночь со слякотью и тьмою,
И горький запах слякоти и тьмы...

* * *

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленницы дров
Целовались от странного
чувства.

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленница дров и солома.

Если так потемнели холмы,
И скрипят, не смолкая, ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней
с ледяного болота...

* * *

Окошко. Стол. Половики.
В окошке — вид реки...
Черны мои черновики,
Чисты чистовики.

За часом час уходит прочь,
Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой — значит, ночь.
А солнце — значит, день.

Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Вставать — черновики.

* * *

О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!

Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмет поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоешь,
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Все это будет ложь!

ЭЛЕГИЯ

Стукнул по карману — не звенит,
Стукнул по другому — не слыхать,
В тихий свой,
таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Но очнусь и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.

Стукну по карману —
не звенит,
Стукну по другому —
не слыхать,
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

ВОЛНУЕТСЯ ЮЖНОЕ МОРЕ

Волнуется южное море.
Склоняясь, шумят кипарисы.
Я видел усталость и горе
В глазах постаревшей актрисы.

Я видел, как ходят матросы
С тоскою в глазах на закате,
Когда задыхаются розы
В бредовом своем аромате.

А ночью под аспидным небом
В томительных сумерках юга
Груженные спиртом и хлебом
Суда окликают друг друга.

И я, увозимый баржою
Все дальше за южною кромкой,
Всему откликаюсь душою
Спокойно уже и негромко.

ТОТ ГОРОД ЗЕЛЕНЫЙ...

Тот город зеленый и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно, без лишней шумихи,
Поет, как в деревне, петух
На площади главной... Повозка
Порой громыхнет через мост,
А там, где овраг и березка,
Столпился народ у киоска
И тянет из ковшика морс,
И мухи летают в крапиве,
Блаженствуя в летнем тепле...
Ну что там отрадней,
счастливей

Бывает еще на земле?
Взгляну я во дворик
зеленый —
И сразу порадуют взор
Земные друг другу поклоны
Людей, выходящих во двор.
Сорву я цветок маттиолы
И вдруг заволнуюсь всерьез:
И юность, и плач радиолы
Я вспомню, и полные слез
Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!
Как после страдал безутешно!
Как верил я в лучшие дни!
Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек, —
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...

СИНЕНЬКИЙ ПЛАТОЧЕК

Я вспоминаю, сердцем посветлев,
Какой я был взволнованный и юный!
И пусть стихов серебряные струны
Продолжат свой тоскующий напев

О том, какие это были дни!
О том, какие это были ночи!
Издалека, как синенький платочек,
Всю жизнь со мной прощаются они...

От прежних чувств остался, охладев,
Спокойный свет, как будто
отблеск лунный,
Еще поют серебряные струны,
Но редок стал порывистый напев.

И все ж хочу я, странный человек,
Сберечь, как есть, любви своей
усталость,
Взглянуть еще на все, что там
осталось,
И распрощаться... может быть, навек.

УТРО ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ

(Шутка)

Тяжело молчал
Валун-догматик
В стороне от волн...
А между тем
Я смотрел на мир,
Как математик,
Доказав с десяток
Теорем.

Скалы встали
Перпендикулярно
К плоскости залива.
Круг луны.
Стороны зари
Равны попарно,
Волны меж собою
Не равны!

Вдоль залива,
Словно знак вопроса,
Дергаясь спиной
И головой,

Пьяное подобие
Матроса
Двигалось
По ломаной кривой.

Спотыкаясь
Даже на цветочках, —
Боже! Тоже пьяная...
В дугу! —
Чья-то равнобедренная
Дочка
Двигалась,
Как радиус в кругу...

Я подумал:
Это так ничтожно,
Что о них
Нужна, конечно, речь,
Но всегда
Ничтожествами
Можно,
Если надо,
Просто пренебречь!

И в пространстве,
Ветреном и смелом,

Облако —
Из дивной дали гость —
Белым,
Будто выведенным мелом,
Знаком бесконечности
Неслось...

МАЧТЫ

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной
морской, —

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозовое свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье,

Будто все начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.

Это кажется мне невозможным.
Все мне кажется — нет забытья!
Все я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.

* * *

По холодной осенней реке
Пароход последний плывет, —
Скоро, скоро в глухом городке
Зазимует районный флот.

Я уйду по знакомой тропе
Над родной ледоносной рекой
И в заснеженной русской избе
Зазимую с веселой вдовой.

Зазимую без всяких забот,
Как зимует у пристани флот...

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Потонула во тьме
Отдаленная пристань.
По канаве помчался —
Эх — осенний поток!

По дороге неслись
Сумасшедшие листья,
И порой раздавался
Пароходный свисток.

Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мглистом
Я по-прежнему
добрый,
Неплохой человек.

А последние листья
Вдоль по улице гулкой
Все неслись и неслись,
Выбиваясь из сил.
На меня надвигалась
Темнота закоулков,
И архангельский
дождик
На меня моросил...

ОТПЛЫТИЕ

Размытый путь. Кривые тополя.
Я слушал шум — была пора отлета.
И вот я встал и вышел за ворота,
Где простирались желтые поля,

И вдаль пошел...
Вдали тоскливо пел
Гудок чужой земли, гудок разлуки!
Но, глядя вдаль
и вслушиваясь в звуки,
Я ни о чем еще не сожалел...

Была суровой пристань в поздний час.
Искрясь, во тьме горели папиросы,
И трап стонал, и хмурые матросы
Устало поторапливали нас.

И вдруг такой повеяло с полей
Тоской любви,
тоской свиданий кратких!
Я уплывал... все дальше...
без оглядки
На мглистый берег юности своей.

* * *

Я забыл,
Как лошадь запрягают.
И хочу ее
Позапрягать,
Хоть они неопытных
Лягают
И до смерти могут
Залягать.
Не однажды
Мне уже досталось
От коней,
И рыжих, и гнедых, —
Знать не знали,
Что такое жалость,
Били в зубы прямо
И под дых.
Эх, запряг бы
Я сейчас кобылку
И возил бы сено,
Сколько мог,
А потом
Втыкал бы важно вилку
Поросенку
Жареному
В бок...

НА СЕНОКОСЕ

С утра носились,
Сенокосили,
Отсенокосили, пора!
В костер устало
Дров подбросили
И помолчали у костра.

И вот опять
Вздыхают женщины —
О чем-то думается им?
А мужики лежат,
Блаженствуя,
И в небеса пускают дым!

Они толкуют
О политике,
О новостях, о том, о сем,
Не критикуют
Ради критики,
А мудро судят обо всем.

И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны,

Все чаще новые,
Советские,
Все реже — грустной старины...

* * *

Помню, как тропкой,
едва заметной,
В густой осоке, где утки крякали,
Мы с острогой ходили летом
Ловить налимов
под речными корягами.
Поймать налима непросто было.
Мало одного желания.
Мы уставали, и нас знобило
От длительного купания,
Но мы храбрились: — Рыбак не плачет! —
В воде плескались
до головокружения,
И наконец на песок горячий
Дружно падали в изнеможении!
И долго после мечтали лежа
О чем-то очень большом и смелом,
Смотрели в небо, и небо тоже
Глазами звезд
на нас смотрело...

ЖАРА

Всезнающей, вещей старухе
И той не уйти от жары.
И с ревом проносятся мухи,
И с визгом снуют комары,
И жадные липнут букашки,
И лютые оводы жгут, —
И жалобно плачут барашки,
И лошади, топая, ржут.
И что-то творится с громилой,
С быком племенным! И взгляни —
С какою-то дьявольской силой
Все вынесут люди одни!
Все строят они и корежат,
Повсюду их сила и власть.
Когда и жара изнеможет,
Гуляют еще, веселясь!..

НОЧЬ НА ПЕРЕВОЗЕ

Осень
        кончилась —
                        сильный ветер
Заметает ее следы!

И болотная пленка воды
Замерзает при звездном свете.
И грустит,
как живой,
и долго
Помнит свой сенокосный рай
Высоко над рекой, под елкой,
Полусгнивший пустой сарай...
От безлюдья и мрака
хвойных
Побережий, полей, болот
Мне мерещится в темных волнах
Затонувший какой-то флот.
И один во всем околотке
Выйдет бакенщик-великан
И во мгле
промелькнет
на лодке,
Как последний из могикан...

ЦВЕТОК И НИВА

Цветы! Увядшие цветы!
Как вас водой болотной хлещет,
Так с бесприютной высоты

На нас водой холодной плещет.
А ты? По-прежнему горда?
Или из праздничного зала
На крыльях в прошлые года
Твоя душа летать устала?
И неужели, отлюбя,
Уж не волнуешься, как прежде, —
Бежишь домой, а на тебя
Водой холодной с неба плещет?
Сырое небо, не плещи
Своей водою бесприютной!
И ты, сорока, не трещи
О нашей радости минутной!
Взойдет любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!

ИВА

Зачем ты, ива, вырастаешь
Над судоходною рекой
И волны мутные ласкаешь,
Как будто нужен им покой?

Преград не зная и обходов,
Бездумно жизнь твою губя,
От проходящих пароходов
Несутся волны на тебя!

А есть укромный край природы,
Где под церковною горой...
В тени мерцающие воды
С твоей ласкаются сестрой...

* * *

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.

Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывет по каналу в лес.

И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает прохладный лист,

И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...

ВЗГЛЯНУЛ НА КУСТИК

Взглянул на кустик — истину постиг,
Он и цветет, и плодоносит пышно,
Его питает солнышко, и слышно,
Как в тишине поит его родник.

А рядом — глянь! — худые деревца.
Грустна под ними скудная лужайка,
И не звенит под ними балалайка,
И не стучат влюбленные сердца.

Тянулись к солнцу — вот и обожглись!
Вот и взялась нечаянная мука.
Ну что ж, бывает... Всякому наука,
Кто дерзко рвется в солнечную высь.

Зато с куста нарву для милых уст
Малины крупной, молодой и сладкой,
И, обнимая девушку украдкой,
Ей расскажу про добрый этот куст...

* * *

Уединившись за оконцем,
Я с головой ушел в труды!
В окно закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

Как жизнь полна! Иду в рубашке,
А ветер дышит все живей,
Журчит вода, цветут ромашки,
На них ложится тень ветвей.

И так легки былые годы,
Как будто лебеди вдали
На наши пастбища и воды
Летят со всех сторон земли!..

И снова в чистое оконце
Покоить скромные труды
Ко мне закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

ПАЛЬМЫ ЮГА

Еще один
Пропал безвестный день,
Покрыты снегом

Крыши деревень
И вся округа,
А где-то есть
Прекрасная страна,
Там чудно все —
И горы, и луна,
И пальмы юга...

И я глядел,
Глядел на перевал,
Где до сих пор
Ни разу не бывал...
Как воет вьюга!
За перевалом первым
Побывал,
А там открылся
Новый перевал...
О пальмы юга!

Забуду все.
Займусь своим трудом.
И все пойдет
Обычным чередом,
Но голос друга
Твердит, что есть
Прекрасная страна,

Там чудно все —
И горы, и луна,
И пальмы юга...

Не стану верить
Другу своему,
Уйду в свою
Заснеженную тьму, —
Пусть будет вьюга!
Но, видно, так
Устроен человек,
Что не случайно
Сказано навек:
— О пальмы юга!

* * *

Наслаждаясь ветром резким,
Допоздна по вечерам
Я брожу, брожу по сельским
Белым в сумраке холмам.
Взгляд блуждает по дремотным,
По холодным небесам,
Слух внимает мимолетным,
Приглушенным голосам.
По родному захолустью

В тощих северных лесах
Не бродил я прежде с грустью,
Со слезами на глазах.
Было все — любовь и радость,
Счастье грезилось окрест.
Было все — покой и святость
Невеселых наших мест...
Я брожу... Я слышу пенье...
И в прокуренной груди
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?

БЕССОННИЦА

Окно, светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омута.
Вот есть возможность отдохнуть.
Но как пустынна эта комната!

Мне странно кажется, что я
Среди отжившего, минувшего,
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего,

Что не под этим ли окном,
Под запыленною картиною

Меня навек затянет сном,
Как будто илом или тиною.

За мыслью мысль — какой-то бред,
За тенью тень — воспоминания,
Реальный звук, реальный свет
С трудом доходят до сознания.

И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости — испуг,
А вместо отдыха — мучение...

ИЗ ВОСЬМИСТИШИЙ

1

В комнате темно,
В комнате беда, —
Кончилось вино,
Кончилась еда,
Кончилась вода
Вдруг на этаже,
Отчего ж тогда
Весело душе?

2

В комнате давно
Кончилась беда,
Есть у нас вино,
Есть у нас еда,
И давно вода
Есть на этаже,
Отчего ж тогда
Пусто на душе?

3

Звездный небосвод
Полон светлых дум,
У моих ворот
Затихает шум,
И глядят глаза
В самый нежный том,
А в душе — гроза,
Молнии и гром!

4

Лунною порой,
Омрачая мир,
Шел понурый строй,
Рядом — конвоир.

А душе в ночи
Снился чудный сон:
Вербы и грачи,
Колокольный звон...

5

Девушке весной
Я дарил кольцо,
С лаской и тоской
Ей глядел в лицо,
Холодна была
У нее ладонь,
Но сжигал дотла
Душу мне — огонь!

6

Постучали в дверь,
Открывать не стал,
Я с людьми не зверь,
Просто я устал,
Может быть, меня
Ждет за дверью друг,
Может быть, родня...
А в душе — испуг.

7

В комнате покой,
Всем гостям почет,
Полною рекой
Жизнь моя течет,
Выйду не спеша,
На село взгляну...
Окунись, душа,
В чистую волну!

* * *

Брал человек
Холодный мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова —
Вот так же высекать
Огонь из слова!

Но труд ума,
Бессонницей больного, —
Всего лишь дань

За радость неземную:
В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

О ПУШКИНЕ

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...

ДУЭЛЬ

Напрасно
дуло пистолета
Враждебно целилось в него:
Лицо великого поэта
Не выражало ничего!
Уже давно,
как в божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.

И сердце Лермонтова билось,
Как в дни обыденных
тревог.
Когда же выстрел грянул мимо
(Наверно, враг
Не спал всю ночь!),
Поэт зевнул невозмутимо
И пистолет отбросил
прочь...

ОДНАЖДЫ

Однажды Гоголь вышел из кареты
На свежий воздух.
Думать было лень.
Но он во мгле увидел силуэты
Полузабытых тощих деревень.
Он пожалел безрадостное племя,
Оплакал детства светлые года,
Не смог представить будущее время —
И произнес: — Как скучно, господа!

ПРИЕЗД ТЮТЧЕВА

Он шляпу снял,
чтоб поклониться
Старинным русским каланчам...
А после дамы всей столицы
О нем шептались по ночам.

И офицеры в пыльных бурках
Потом судили меж равнин
О том, как в залах Петербурга
Блистал приезжий дворянин.

А он блистал,
как сын природы,
Играя взглядом и умом,
Блистал, как летом блещут воды,
Как месяц блещет над холмом!

И сны Венеции прекрасной,
И грустной родины привет —
Все отражалось в слове ясном
И поражало высший свет.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Его увидев, люди ликовали,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

И понял он, что вот слабеет воля,
А где покой среди больших дорог?!
Что есть друзья в тиши родного поля,
Но он от них отчаянно далек!

И в первый раз поник Сергей Есенин,
Как никогда, среди унылых стен...
Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музы!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Был целый мир
зловещ и ветрен,
Когда один в осенней мгле
В свое жилище Дмитрий Кедрин
Спешил, вздыхая о тепле...

Поэт, бывало, скажет слово
В любой компании чужой, —
Его уж любят, как святого,
Кристально чистого душой.

О, как жестоко в этот вечер
Сверкнули тайные ножи!
И после этой страшной встречи
Не стало кедринской души.

Но говорят, что и во прахе
Он всё вставал над лебедой, —
Его убийцы жили в страхе,
Как будто это впрямь святой.

Как будто он во сне являлся
И так спокойно, как никто,
Смотрел на них и удивлялся,
Как перед смертью: — А за что?

ПАМЯТИ АНЦИФЕРОВА

На что ему отдых такой?
На что ему эта обитель,
Кладбищенский этот покой —
Минувшего страж и хранитель?

— Вы, юноши, нравитесь мне! —
Говаривал он мимоходом,
Когда на житейской волне
Носился с хорошим народом.
Среди болтунов и чудил
Шумел, над вином наклоняясь,
И тихо потом уходил,
Как будто за все извиняясь...
И нынче, являясь в бреду,
Зовет он тоскливо, как выога!
И я, содрогаясь, иду
На голос поэта и друга.
Но — пусто! Меж белых могил
Лишь бродит метельная скрипка...
Он нас на земле посетил,
Как чей-то привет и улыбка.

* * *

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,
И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова,
За это верить перестану

В того же самого Рубцова,
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

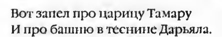
УТРО УТРАТЫ

Человек не рыдал, не метался
В это смутное утро утраты,
Лишь ограду встряхнуть попытался,
Ухватившись за колья ограды...

Вот пошел он. Вот в черном затоне
Отразился рубашкою белой,
Вот трамвай, тормозя, затрезвонил,
Крик водителя: — Жить надоело?!

Было шумно, а он и не слышал.
Может, слушал, но слышал едва ли,
Как железо гремело на крышах,
Как железки машин грохотали.

Вот пришел он. Вот взял он гитару.
Вот по струнам ударил устало.

Вот запел про царицу Тамару
И про башню в теснине Дарьяла.

Вот и всё... А ограда стояла.
Тяжки колья чугунной ограды.
Было утро дождя и металла,
Было смутное утро утраты...

КОГО ОБИДЕЛ?

В мое окно проникли слухи.
По чистой комнате моей
Они проносятся, как мухи, —
Я сам порой ношусь по ней!

И вспомнил я тревожный ропот
Вечерних нескольких старух.
Они, они тогда по тропам
Свой разнесли недобрый слух!

— Ему-то, люди, что здесь надо?
Еще утащит чье добро! —
Шумели все, как в бурю стадо...
И я бросал свое перо.

Есть сердобольные старушки
С душою светлою, как луч!

Но эти! Дверь своей избушки
Хоть запирай от них на ключ!

Они, они — я это видел! —
Свой разнесли недобрый слух.
О Русь! Кого я здесь обидел?
Не надо слушать злых старух...

НОЧНОЕ

Если б мои не болели мозги,
Я бы заснуть не прочь.
Рад, что в окошке не видно ни зги, —
Ночь, черная ночь!
В горьких невзгодах прошедшего дня
Было порой невмочь.
Только одна и утешит меня —
Ночь, черная ночь!
Грустному другу в чужой стороне
Словом спешил я помочь.
Пусть хоть немного поможет и мне
Ночь, черная ночь!
Резким, свистящим своим помелом
Вьюга гнала меня прочь.
Дай под твоим я погреюсь крылом,
Ночь, черная ночь!

КРУЖУСЬ ЛИ Я...

Кружусь ли я в Москве бурливой
С толпой знакомых и друзей,
Пойду ли к девушке красивой
И отдохну немного с ней,

Несусь ли в поезде курьерском
От всякой склоки и обид
И в настроенье самом мерзком
Ищу простой сердечный быт,

Засну ли я во тьме сарая,
Где сено есть и петухи.
Склоню ли голову, слагая
О жизни грустные стихи,

Ищу ль предмет для поклоненья
В науке старцев и старух, —
Нет, не найдет успокоенья
Во мне живущий адский дух!

Когда, бесчинствуя повсюду,
Смерть разобьет мою судьбу,
Тогда я горсткой пепла буду,
Но дух мой... вылетит в трубу!

УГРЮМОЕ

Я вспомнил угрюмые волны,
Летящие мимо и прочь!
Я вспомнил угрюмые молы,
Я вспомнил угрюмую ночь.
Я вспомнил угрюмую птицу,
Взлетевшую жертву стеречь.
Я вспомнил угрюмые лица,
Я вспомнил угрюмую речь.
Я вспомнил угрюмые думы,
Забытые мною уже...
И стало угрюмо, угрюмо
И как-то спокойно душе.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.

Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступая:
— Бродяга. Наверное, вор...

Он шел. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Забылся, качнулся вперед...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрет.

Он умер, снегами отпетый...
А люди вели разговор
Все тот же, узнавши об этом:
— Бродяга. Наверное, вор.

ГРОЗА

Поток вскипел
и как-то сразу прибыл!
По небесам, сверкая там и тут,
Гремело так, что каменные глыбы
Вот-вот, казалось,
с неба упадут!
И вдруг я встретил
рухнувшие липы,

Как будто, хоть не видел их никто,
И впрямь упали каменные глыбы
И сокрушили липы...
А за что?

ОСЬ

Как центростремительная сила,
Жизнь меня по всей земле носила!

За морями, полными задора,
Я душою был нетерпелив, —
После дива сельского простора
Я открыл немало разных див.

Нахлобучив «мичманку» на брови,
Шел в театр, в контору, на причал.
Полный свежей юношеской крови,
Вновь, куда хотел, туда и мчал...

Но моя родимая землица
Надо мной удерживает власть, —
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,

И вокруг любви непобедимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси!..

ПО ДОРОГЕ ИЗ ДОМА

Люблю ветер. Больше всего на свете.
Как воет ветер! Как стонет ветер!
Как может ветер выть и стонать!
Как может ветер за себя постоять!

О ветер, ветер! Как стонет в уши!
Как выражает живую душу!
Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете.

Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул родную крышу...

Душа ведь может, как ты, стонать.
Но так ли может за себя постоять?
Безжизнен, скучен и ровен путь.
Но стонет ветер! Не отдохнуть...

ЗИМНИМ ВЕЧЕРКОМ

Ветер, не ветер —
Иду из дома!
В хлеву знакомо
Хрустит солома,
И огонек
светит...

А больше —
ни звука!
Ни огонечка!
Во мраке вьюга
Летит по кочкам...

Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?

Давай пожелаем
Всем доброй
ночи!
Давай погуляем!
Давай похохочем!

И праздник устроим,
И карты раскроем...
Эх! Козыри свежи.
А дураки те же.

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Грустно, грустно последние листья,
Не играя уже, не горя,
Под гнетущей погаснувшей высью,
Над заслеженной грязью и слизью
Осыпались в конце октября.

И напрасно так шумно, так слепо,
Приподнявшись, неслись над землей,
Словно где-то не кончилось лето,
Может, там, за расхлябанным следом, —
За тележной цыганской семьей.

Люди жили тревожней и тише
И смотрели в окно иногда, —
Был на улице говор не слышен,
Было слышно, как воют над крышей
Ветер, ливень, труба, провода...

Так зачем, проявляя участье,
Между туч проносилась луна
И светилась во мраке ненастья,
Словно отблеск весеннего счастья,
В красоте неизменной одна?

Под луной этой светлой и быстрой
Мне еще становилось грустней
Видеть табор под бурею мглистой,
Видеть ливень и грязь, и со свистом
Ворох листьев, летящих над ней...

КОНЕЦ

Смерть приближалась,
приближалась,
Совсем приблизилась уже, —
Старушка к старику прижалась,
И просветлело на душе!

Легко, легко, как дух весенний,
Жизнь пролетела перед ней,
Ручьи казались, воскресенье,
И свет, и звон пасхальных дней!

И невозможен путь обратный,
И славен тот, который был,
За каждый миг его отрадный,
За тот весенний краткий пыл.

— Все хорошо, все слава богу... —
А дед бормочет о своем,
Мол, поживи еще немного,
Так вместе, значит, и умрем.

— Нет, — говорит. — Зовет могилка.
Не удержать меня теперь.
Ты, — говорит, — вина к поминкам
Купи. А много-то не пей...

А голос был все глуше, тише,
Жизнь угасала навсегда,
И стало слышно, как над крышей
Тоскливо воют провода...

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Утром проснешься на чердаке,
Выглянешь — ветры свистят!
Быстрые волны бегут по реке,
Мокнет, качается сад.

С гробом телегу ужасно трясет
В поле меж голых ракит.
— Бабушка дедушку в ямку везет, —
Девочке мать говорит...

Ты не печалься! Послушай дожди
С яростным ветром и тьмой,
Это цветочки еще — подожди! —
То, что сейчас за стеной.

Будет еще не такой у ворот
Ветер, скрипенье и стук.
Бабушка дедушку в ямку везет,
Птицы летят на юг...

НОЧНОЕ ОЩУЩЕНИЕ

Когда стою во мгле,
Душе покоя нет, —
И омуты страшней,
И резче дух болотный,
Миры глядят с небес,
Свой излучая свет,
Свой открывая лик,
Прекрасный, но холодный,

И гор передо мной
Вдруг возникает цепь,
Как сумрачная цепь
Загадок и вопросов, —
С тревогою в душе,
С раздумьем на лице,
Я чуток, как поэт,
Бессилен, как философ.

Вот коростеля крик
Послышался опять...
Зачем стою во мгле?
Зачем не сплю в постели?
Скорее спать!
Ночами надо спать!
Настойчиво кричат
Об этом коростели...

* * *

Мы сваливать
не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет,
тот и правит,
Поехал, так держись!
Я повода оставил.

Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы
и правил,
Да мне дороги нет...

ОСТРОВА СВОИ ОБОГРЕВАЕМ

Захлебнулось поле и болото
Дождевой водою — дождались!
Прозябаньем, бедностью, дремотой
Все объято — впадины и высь!

Ночь придет — родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту!
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот, как стража на посту.

По воде, качаясь, по болотам
Бор скрипучий движется, как флот!
Как же мы, отставшие от флота,
Коротаем осень меж болот?

Острова свои обогреваем
И живем без лишнего добра,
Да всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

* * *

А между прочим, осень на дворе.
Ну что ж, я вижу это не впервые.
Скулит собака в мокрой конуре,
Залечивая раны боевые.
Бегут машины, мчатся напрямик
И вдруг с ухаба шлепаются в лужу,
Когда, буксуя, воет грузовик,
Мне этот вой выматывает душу.
Кругом шумит холодная вода,
И все кругом расплывчато и мглисто.
Незримый ветер, словно в невода,
Со всех сторон затягивает листья...
Раздался стук. Я выдернул засов.
Я рад обняться с верными друзьями.
Повеселились несколько часов,
Повеселились с грустными глазами...
Когда в сенях опять простились мы,
Я первый раз так явственно услышал,

Как о суровой близости зимы
Тяжелый ливень жаловался крышам.
Прошла пора, когда в зеленый луг
Я отворял узорное оконце —
И все лучи, как сотни добрых рук,
Мне по утрам протягивало солнце...

НА ВОКЗАЛЕ

Закатилось солнце за вагоны.
Вот еще один безвестный день,
Торопливый, радостный, зеленый,
Отошел в таинственную тень...

Кто-то странный (видимо, не веря,
Что поэт из бронзы, неживой)
Постоял у памятника в сквере,
Позвенел о бронзу головой,

Посмотрел на надпись
с недоверьем
И ушел, посвистывая, прочь...
И опять родимую деревню
Вижу я: избушки и деревья,
Словно в омут, канувшие в ночь.

За старинный плеск ее паромный,
За ее пустынные стога
Я готов безропотно и скромно
Умереть от выстрела врага...

О вине подумаю, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полет,
О земле подумаю, о небе
И о том, что все это пройдет.

И о том подумаю, что все же
Нас кому-то очень будет жаль,
И опять, веселый и хороший,
Я умчусь в неведомую даль!..

ДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

Дорога, дорога,
Разлука, разлука.
Знакома до срока
Дорожная мука.

И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Все дальше, все глуше.

Лесная сорока
Одна мне подруга,
Дорога, дорога,
Разлука, разлука.

Устало в пыли
Я влачусь, как острожник,
Темнеет вдали,
Приуныл подорожник,

И страшно немного
Без света, без друга,
Дорога, дорога,
Разлука, разлука...

ПОЛНОЧНОЕ ПЕНЬЕ

Когда за окном
потемнело.
Он тихо потребовал спички
И лампу зажег неумело,
Ругая жену по привычке.
И вновь колдовал
над стаканом,
Над водкой своей, с нетерпеньем...

И долго потом не смолкало
Его одинокое пенье.
За стенкой с ребенком возились,
И плач раздавался и ругань,
Но мысли его уносились
Из этого скорбного круга...
И долго без всякого дела,
Как будто бы слушая пенье,
Жена терпеливо сидела
Его молчаливою тенью.
И только когда за оградой
Лишь сторож фонариком светит,
Она говорила: — Не надо!
Не надо! Ведь слышат соседи! —
Он грозно
вставал,
как громила.
— Я пью, — говорил, — ну и что же? —
Жена от него отходила,
Воскликнув: — О господи боже!.. —
Меж тем как она раздевалась
И он перед сном раздевался,
Слезами она заливалась,
А он соловьем
заливался...

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК

Домик моих родителей
Часто лишал я сна.
— Где он опять, не видели?
Мать без того больна. —
В зарослях сада нашего
Прятался я как мог.
Там я тайком выращивал
Аленький свой цветок.
Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, — вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, некстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот он и кончился,
покой!
Взметая снег, завыла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.

Сижу среди
своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, —
о километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!

Но я смогу,
но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду
гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?

* * *

По мокрым скверам
проходит осень,
Лицо нахмуря!
На громких скрипках
дремучих сосен
Играет буря!
В обнимку с ветром
иду по скверу
В потемках ночи.
Ищу под крышей
свою пещеру —
В ней тихо очень.
Горит пустынный
электропламень,
На прежнем месте,
Как драгоценный какой-то камень,
Сверкает перстень, —
И мысль, летая,
кого-то ищет
По белу свету...
Кто там стучится
в мое жилище?
Покоя нету!
Ах, эта злая старуха осень,

Лицо нахмуря,
Ко мне стучится
и в хвое сосен
Не молкнет буря!
Куда от бури,
от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу...

СТАРИК

Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.
Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.

Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было все полно печали
Над этой старой головой.

Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на елку.
Наверно, трудно одному.

Когда, поеживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.

Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.

Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!

ЖАР-ПТИЦА

Когда приютит
задремавшее стадо
Семейство берез на холме за рекой,
Пастух, наблюдая игру листопада,
Лениво сидит и болтает ногой...

Есть маленький домик в багряном лесу,
И отдыха нынче там нет и в помине:
Отец мой готовит ружье на лису
И вновь говорит о вернувшемся сыне.

А дальше за лесом —
большая деревня.
Вороны на елках, старухи в домах.
Деревни, деревни вдали на холмах,
Меж ними село
с колокольнею древней...

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем поднималась великая Русь.

Галопом колхозник погнал лошадей,
А мне уж мерещится русская удаль,
И манят меня огоньками уюта
Жилища, мерещится, лучших людей.

Мотало меня и на сейнере в трюме,
И так, на пирушках, во дни торжества,
И долго на ветках дорожных раздумий,
Как плод, созревала моя голова.

Не раз ко дворцу, где сиял карнавал,
Я ветреным франтом в машине катился,
Ну, словом, как бог, я везде побывал
И все же, и все же домой воротился...

— Старик! А давно ли
ты ходишь за стадом?
— Давно, — говорит. — Колокольня вдали
Деревни еще оглашала набатом,
И ночью светились в домах фитили.
— А ты не заметил, как годы прошли?
— Заметил, заметил!
Попало как надо.
— Так что же нам делать, узнать интересно...
— А ты, — говорит, — полюби и жалей
И помни
хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
— Ну, ладно! Я рыжиков вам принесу...

Как просто в прекрасную глушь листопада
Уводит меня полевая ограда,
И детское пенье в багряном лесу,
И тайна древнейших строений и плит,
И только от бывшей печали, быть может,
Нет-нет да и вспомнится вдруг, затревожит,
Что осень, жар-птица,
вот-вот
улетит...

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЕР

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы...

И ночь, растраченная вся
На драгоценные забавы,
Редеет, выше вознося
Небесный купол, полный славы.

Прощай, костер! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...

Хотя доносятся уже
Сигналы старости грядущей,
Надежды, скрытые в душе,
Светло восходят в день цветущий.

Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...

В ЛЕСУ

1

В лесу,
под соснами,
На светлых вырубках
Все мысли слезные
Сто раз я выругал.
А ну, поближе-ка
иди к сосне!
Ах, сколько рыжиков!
Ну как во сне...
Я счастлив, родина, —
Грибов не счесть.
Но есть смородина,
малина есть.
И сыплет листья лес,
Как деньги медные, —
Спасибо, край чудес!
Но мы не бедные...
А чем утешены,
что лес покинули
Все черти, лешие
И все кикиморы?..

2

Ах, вот —
колодина!
Я плакал здесь.
От счастья, родина.
Ведь счастье есть.
И счастье дикое,
И счастье скромное,
И есть великое,
Ну, пусть — огромное.
Спасибо, родина,
что счастье есть.

3

А вот — болотина,
Звериный лес.
И снова узкие
дороги скрещены, —
О, эти русские
Распутья вещие!
Взгляну на ворона —
И в тот же миг

Пойду не в сторону,
а напрямик...
Я счастлив, родина.
Спасибо, родина.
Всех ягод лучше —
красная смородина.

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

СЕНТЯБРЬ

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенях,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!
И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

* * *

Уже деревня вся в тени.
В тени сады ее и крыши.
Но ты взгляни чуть-чуть повыше —
Как ярко там горят огни!
Одна у нас в деревне мглистой

Соседка древняя жива,
И на лице ее землистом
Растет какая-то трава.
И все ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вспыхнут все огни эфира,
И льется в душу свет с небес,
Когда деревня вся в тени,
И бабка спит, и над прудами
Шевелит ветер лопухами,
И мы с тобой совсем одни!

ДАЛЕКОЕ

В краю, где по дебрям,
по рекам
Метелица свищет кругом,
Стоял запорошенный снегом
Бревенчатый низенький дом.

Я помню, как звезды светили,
Скрипел за окошком плетень,
И стаями волки бродили
Ночами вблизи деревень...

Как все это кончилось быстро!
Как странно ушло навсегда!
Как шумно — с надеждой и свистом —
Помчались мои поезда!

И все же, глаза закрывая,
Я вижу: над крышами хат,
В морозном тумане мерцая,
Таинственно звезды дрожат.

А вьюга по сумрачным рекам,
По дебрям гуляет кругом,
И весь запорошенный снегом
Стоит у околицы дом...

СТАРЫЙ КОНЬ

Я долго ехал волоком.
И долго лес ночной
Все слушал медный колокол,
Звеневший под дугой.

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь!

Хоть волки есть на волоке
И волок тот полог,
Едва он сани к Вологде
По волоку волок...

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь!

И вдруг заржал он молодо,
Гордясь без похвалы,
Когда увидел Вологду
Сквозь заволоку мглы...

ДАЛЕКОЕ

Лети, мой отчаянный парус!
Не знаю, насколько смогу,
Чтоб даже тяжелая старость
Меня не согнула в дугу!

Но выплывут, словно из дыма,
И станут родней и больней
Стрелой пролетевшие мимо
Картины отроческих дней...

Запомнил я снег и салазки,
Метельные взрывы снегов,
Запомнил скандальные пляски
Нарядных больших мужиков,

Запомнил суслоны пшеницы,
Запомнил, как чахла заря
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

А сколько друзей настоящих,
А сколько там было чудес,
Лишь помнят сосновые чащи
Да темный еловый лес!..

НА ОЗЕРЕ

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...
О, этот светлый

Покой-чародей!
Очарованием смелым
Сделай меж белых
Своих лебедей
Черного лебедя — белым!

ЯНВАРСКОЕ

Мороз под звездочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идет, поигрывая ветками,
Снежком поскрипывая весело.
И все под елками похаживает,
И все за елками ухаживает, —
Снежком атласным принаряживает!
И в новогодний путь — проваживает!
А после сам принаряжается,
В мальчишку вдруг преображается
И сам на праздник отправляется:
— Кому невесело гуляется? —
Лесами темными и грозными
Бежит вперед с дарами редкими,
И все подмигивает звездами,
И все поигрывает ветками,

И льдинки отвечают звонами,
А он спешит, спешит к народу
С шампанским, с музыкой,
с поклонами
Спокойно прожитому году;
Со всеми дружит он и знается,
И жизнь в короткой этой
праздности
Как будто снова начинается —
С морозной свежести и ясности!

* * *

Огороды русские
под холмом седым.
А дороги узкие,
тихие, как дым.
Солнышко осоковое
брызжет серебром.
Чучело гороховое
машет рукавом...
До свиданья, пугало,
огородный бог! —
душу убаюкала
пыль твоих дорог...

* * *

«Чудный месяц плывет
над рекою», —
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно бог, я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...

ДЕВОЧКА ИГРАЕТ

Девочка на кладбище играет,
Где кусты лепечут, как в бреду.
Смех ее веселый разбирает,
Безмятежно девочка играет
В этом пышном радостном саду.

Не любуйся этим пышным садом!
Но прими душой, как благодать,
Что такую крошку видишь рядом,
Что под самым грустным
нашим взглядом
Все равно ей весело играть!..

* * *

Мой чинный двор
зажат в заборы.
Я в свистах ветра-степняка
Не гнал коней, вонзая шпоры
В их знойно-потные бока.
Вчера за три мешка картошки
Купил гармонь.
Играет — во!

Точь-в-точь такая, как у Ленки,
У брата друга моего.
Творя бессмертное творенье,
Смиряя бойких рифм дожди,
Тружусь.
                И чувствую волненье
В своей прокуренной груди.
Строптивый стих,
                как зверь страшенный,
Горбатясь, бьется под рукой.
Мой стиль, увы,
                несовершенный,
Но я ж не Пушкин,
                        я другой...
И все же грустно до обиды
У мух домашних на виду
Послушно, как кариатиды,
Стареть в сложившемся быту.
Ведь я кричал,
                        врываясь в споры,
Что буду жить наверняка,
Как мчат коней,
                        вонзая шпоры
В их знойно-потные бока!

* * *

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напьюсь,
Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вон Есенин —
на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенек?

Неужели
в свой черед
Надо мною смерть нависнет, —
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?
Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом.
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...

РАЗБОЙНИК ЛЯЛЯ

(Лесная сказка)

1

Мне о том рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе.

Был проворен Ляля долговязый.
Пыль столбом взметая над слободкой,
Сам, бывало, злой и одноглазый,
Гнал коня, поигрывая плеткой.

Первым другом был ему Бархотка,
Только волей неба не покойник, —
В смутной жизни ценная находка
Был для Ляли друг его, разбойник.

Сколько раз с добычею на лодке
Выплывали вместе из тумана!
Верным людям голосом Бархотки
Объявлялась воля атамана.

Ляля жил, — не пикнет даже муха! —
Как циклоп, в своих лесистых скалах.
По ночам разбойница Шалуха
Атамана хмурого ласкала...

2

Раз во время быстрого набега
На господ, которых ненавидел,
Под лазурным пологом ночлега
Он княжну прекрасную увидел.

Разметавши волосы и руки
Как дитя, спала она в постели,
И разбоя сдержанные звуки
До ее души не долетели...

С той поры пошли о Ляле слухи,
Что умом свихнулся он немного.
Злится Ляля, жалуясь Шалухе:
— У меня на сердце одиноко.

Недоволен он своей Шалухой,
О княжне тоскует благородной,
И бокал, наполненный сивухой,
Держит он рукой своей холодной.

Вызывает он к себе Бархотку
И наказ дает ему устало:
— Снаряжай друзей своих и лодку
И немедля знатную молодку
Мне доставь во что бы то ни стало!

А за то тебе моя награда,
Как награда высшая для вора,
Все, как есть, мое богатство клада...
Что ты скажешь против договора?

Не сказал в ответ ему ни слова
Верный друг. Не выпил из бокала.
Но тотчас у берега глухого
Тень с веслом мелькнула и пропала...

3

Дни прошли... Под светлою луною
Век бы Ляля в местности безвестной
Целовался с юною княжною,
Со своей негаданной невестой!

А она, бледнее от печали
И от страха в сердце беспокойном,
Говорит возлюбленному Ляле:
— Не хочу я жить в лесу разбойном!

Страшно мне среди лесного мрака,
Каждый шорох душу мне тревожит,
Слышишь, Ляля?.. — Чтобы не заплакать,
Улыбнуться хочет и не может.

Говорит ей Ляля торопливо,
Горячо целуя светлый локон:
— Боже мой! Не плачь так сиротливо!
Нам с тобой не будет одиноко.

Вот когда счастливый день настанет,
Мы уйдем из этого становья,
Чтобы честно жить, как христиане,
Наслаждаясь миром и любовью.

Дом построим с окнами на море,
Где легко посвистывают бризы,
И, склонясь в дремотном разговоре,
Осеняют море кипарисы.

Будет сад с тропинкою в лиманы,
С ключевою влагою канала,
Чтоб все время там цвели тюльпаны,
Чтоб все время музыка играла...

4

— Атаман! Своя у вас забота, —
Говорит Бархотка, встав к порогу, —
Но давно пришла пора расчета,
Где же клад? Указывай дорогу!

— Ты прости, Бархотка мой любезный,
Мне казна всего теперь дороже!
— Атаман! Твой довод бесполезный
Ничего решить уже не может!

— Ты горяч, Бархотка, и удачлив,
Что желаешь, все себе добудешь!
— Атаман! Удачлив я, горяч ли,
Долго ты меня морочить будешь?

Атаман, мрачнея понемногу,
Тихо сел к потухшему камину.
— Так и быть! Скажу тебе дорогу,
Но оставь... хотя бы половину.

— Атаман! Когда во мраке ночи
Крался я с княжной через долину,
Разве я за стан ее и очи
Рисковал тогда наполовину?

— А не жаль тебе четвертой доли? —
Ляля встал взволнованно и грозно.
— Атаман! Тебя ли я неволил?
Не торгуйся! Поздно, Ляля, поздно.

Ляля залпом выпил из бокала
И в сердцах швырнул его к порогу.
— Там, где воют ветры и шакалы,
Там, в тайге, найдешь себе дорогу!

5

Поздний час. С ветвей, покрытых мглою,
Ветер злой срывает листьев горсти.
На коне, испуганном стрелою,
Мчится Ляля в сильном беспокойстве.

Мчится он полночными лесами,
Сам не знает, что с ним происходит,
Прискакал. Безумными глазами
Что-то ищет он... и не находит.

— Где княжна? — вскричал
разбойник Ляля
Сквозь тугой порыв лесного гула.
И сказал Бархотка, зубоскаля:
— Вечным сном княжна твоя уснула...

Атаман, ушам своим не веря,
Вдруг метнулся, прочь
отбросил плетку
И, прищурясь, начал, как на зверя,
Наступать на хмурого Бархотку.

— Жаль! Но ада огненная чаша
По тебе, несчастная, рыдает!
— Атаман! Возлюбленная ваша
Вас в раю небесном ожидает!

Тут сверкнули ножики кривые,
Тут как раз и легкая заминка
Происходит в повести впервые:
Я всего не помню поединка.

Но слетелась вдруг воронья стая,
Чуя кровь в лесах благоуханных,
И сгустились тени, покрывая
На земле два тела бездыханных...

6

Бор шумит порывисто и глухо
Над землей угрюмой и греховной.
Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.

Как наступят зимние потемки,
Как застонут сосны-вековухи,
В бедных избах странной незнакомке
Жадно внемлют дети и старухи.

А она, увядшая в печали,
Боязливой сказкою прощальной
Повествует им о жизни Ляли,
О любви разбойника печальной.

Так, скорбя, и ходит богомолка,
К людям всем испытывая жалость,
Да уж чует сердце, что недолго
Ей брести с молитвами осталось.

Собрала котомку через силу,
Поклонилась низко добрым лицам
И пришла на Лялину могилу,
Чтоб навеки с ним соединиться...

7

Вот о чем рассказывают сосны
По лесам, в окрестностях
Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе,

Где навек почил он за оградой,
Под крестом, сколоченным устало...
Но грустить особенно не надо,
На земле не то еще бывало.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

ИЗ РАННИХ СТИХОВ 1957—1962

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах
тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят
снежинки.
И весь в светящемся снегу
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

* * *

Меня звала моя природа.
Но вот однажды у пруда
Могучий вид маслозавода
Явился образом труда!
Там за подводою подвода
Во двор ввозила молоко,
И шум и свет маслозавода
Работу славил широко!
Как жизнь полна у бригадира!
У всех, кто трудится, полна,
У всех, кого встречают с миром
С работы дети и жена!

Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети, и природа,
И кропотливый сельский труд!..

НА РЕКЕ

Реки не видел сроду
Дружок мой городской.
Он смотрит в нашу воду
С любовью и тоской!
Вода тепло струится,
Над ней томится бор.
Я плаваю, как птица,
А друг мой — как топор.

А ДУБА НЕТ...

Поток, разбуженный весною,
Катился в пене кружевной,
И озаряемый луною
Светился тихо край родной.
Светился сад, светилось поле
И глубь дремотная озер, —
И ты пошла за мной без воли,
Как будто я гипнотизер...

Зачем твой голос волновался
И разливался лунный свет?
Где дуб шумел и красовался,
Там пень стоит...
А дуба нет...

НЕ ПРИШЛА

Из окна ресторана —
свет зеленый,
болотный,
От асфальта до звезд
заштрихована ночь
снегопадом,
Снег глухой,
беспристрастный,
бесстрастный,
холодный
Надо мной,
над Невой,
над матросским
суровым отрядом.
Сумасшедший,
ночной,
вдоль железных заборов,

Удивляя людей,
что брожу я?
И мерзну зачем?
Ты и раньше ко мне
приходила не скоро,
А вот не пришла и совсем...
Странный свет,
ядовитый,
зеленый,
болотный,
Снег и снег
без метельного
свиста и воя.
Снег глухой,
беспристрастный,
бесстрастный,
холодный,
Мертвый снег,
ты зачем
не даешь мне покоя?

В ГОРОДЕ

Как часто, часто, словно птица,
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам!

Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!

ЭХО ПРОШЛОГО

Много было в комнате гостей,
Пирогов, вина и новостей,
Много ели, пили и шутили,
Много раз «Катюшу» заводили...
А потом один из захмелевших,
Голову на хромку уронив,
Из тоски мотивов устаревших
Вспомнил вдруг
кладбищенский мотив:
«Вот умру, похоронят
На чужбине меня.
И родные не узнают,
Где могила моя...»
— Эх, ребята, зарыдать хочется!
Хошь мы пьем, ребята,
Хошь не пьем,
Все одно помрем, как говорится,
Все, как есть, когда-нибудь помрем.

Парень жалким сделался
и кротким,
Погрустнели мутные глаза.
По щеке, как будто капля водки,
Покатилась крупная слеза.
«У других на могилах
Всё цветы, всё цветы.
На моей сырой могиле
Всё кусты, всё кусты...»
Друг к нему:
— Чего ты киснешь, Проня? —
Жалобней: — Чего тебе-то выть?
Ты умрешь — тебя хоть похоронят.
А меня? Кому похоронить? —
И дуэтом
здоровилы эти,
Будто впрямь несчастливы они,
Залились слезами, словно дети,
На глазах собравшейся родни!

А ведь в песне,
так некстати спетой,
Все в такую даль отдалено,
Что от этих слез,
От песни этой,

Стало всем не грустно,
а смешно!
В дружный хохот
вкладывали душу.
— Ох, умора! Ох и мужики! —
Еще звонче пели про Катюшу
И плясали, скинув пиджаки!

ФИАЛКИ

Я в фуфаечке грязной
Шел по насыпи мола.
Вдруг тоскливо и страстно
Стала звать радиола:
— Купите фиалки!
Вот фиалки лесные!
Купите фиалки!
Они словно живые!
Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

Так зачем мою душу
Так волна волновала,
Посылая на сушу
Брызги быстрого шквала?
Кроме моря и неба,
Кроме мокрого мола
Надо хлеба мне, хлеба!
Замолчи, радиола...
Сел я в белый автобус,
В белый, теплый, хороший, —
Там вертелась, как глобус,
Голова контролерши.

Назвала хулиганом,
Назвала меня фруктом.
Как все это погано!..
Эх! Кондуктор, кондуктор...
Ты не требуй билета,
Увези на толкучку,
Я, как маме, за это
Поцелую вам ручку!

Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга,

И толкают друг другу,
Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец...

О!.. Купите фуфайку.
Я отдам — за червонец...

* * *

Эх, коня да удаль азиата
Мне взамен чернильниц и бумаг, —
Как под гибким телом Азамата,
Подо мною взвился б
аргамак!

Как разбойник,
только без кинжала,
Покрестившись лихо на собор,
Мимо волн обводного канала
Поскакал бы я во весь опор!
Мимо окон Эдика и Глеба,
Мимо криков: «Это же — Рубцов!»
Не простой,
возвышенный,
в седле бы
Прискакал к тебе, в конце концов!

Но, должно быть, просто и без смеха
Ты мне скажешь: — Боже упаси!
Почему на лошади приехал?
Разве мало в городе такси? —
И, стыдясь за дикий свой поступок,
Словно богом свергнутый с небес,
Я отвечу буднично и тупо:
— Да, конечно, это не прогресс...

ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Что я тебе отвечу на обман?
Что наши встречи давние у стога?
Когда сбежала ты в Азербайджан,
Не говорил я: «Скатертью дорога!»

Да, я любил. Ну что же? Ну и пусть.
Пора в покое прошлое оставить.
Давно уже я чувствую не грусть
И не желанье что-нибудь поправить.

Слова любви не станем повторять
И назначать свидания не станем.
Но если все же встретимся опять,
То сообща кого-нибудь обманем...

РАЗЛАД

Мы встретились
У мельничной запруды,
И я ей сразу
Прямо все сказал!
— Кому, — сказал, —
Нужны твои
причуды?
— Зачем, — сказал, —
Ходила на вокзал?

Она сказала:
— Я не виновата...
— Ответь, — сказал я, —
Кто же виноват?
Она сказала:
— Я встречала брата.
— Ха-ха, — сказал я, —
Разве это брат?!

В моих мозгах
Чего-то не хватало:
Махнув на все,
Я начал хохотать.

Я хохотал,
И эхо хохотало.
И грохотала
Мельничная гать.

Она сказала:
— Ты чего хохочешь?
— Хочу, — сказал я, —
Вот и хохочу! —
Она сказала:
— Мало ли,
что хочешь!
Я это слушать
Больше не хочу!

Конечно, я ничуть
Не напугался,
Как всякий,
Кто ни в чем не виноват.
И зря в ту ночь
Пылал и трепыхался
В конце
безлюдной улицы
Закат...

НАСЛЕДНИК РОЗЫ

В саду, где пела радиола,
Где танцевали «Вальс цветов»,
Все глуше дом у частокола,
Все нелюдимей шум ветров.

Улыбка лета так знакомо
Опять сошла с лица земли!
И все уехали из дома
И радиолу увезли...

На огороде с видом жалким,
Как бы стыдясь за свой наряд,
Воронье пугало на палке
Торчит меж выкопанных гряд.

Порой тревожно — не до шуток! —
В рассветном воздухе седом
Мелькнет косяк последних уток
Над застывающим прудом.

Вот-вот подует зимним, снежным.
Все умирает... Лишь один
Пылает пламенем мятежным —
Наследник розы — георгин!

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Я тоже служил на флоте!
Я тоже памятью полн
О той бесподобной работе —
На гребнях чудовищных волн.

Тобою — ах, море, море! —
Я взвинчен до самых жил,
Но, видно, себе на горе
Так долго тебе служил...

Любимая чуть не убилась, —
Ой, мама родная земля! —
Рыдая, о грудь мою билась,
Как море о грудь корабля.

В печали своей бесконечной,
Как будто вослед кораблю,
Шептала: «Я жду вас... вечно»,
Шептала: «Я вас... люблю».

Люблю вас! Какие звуки!
Но звуки ни то ни се, —
И где-то в конце разлуки
Забыла она про все.

Однажды с какой-то дороги
Отправила пару слов:
«Мой милый! Ведь так у многих
Проходит теперь любовь...»

И все же в холодные ночи
Печальней видений других —
Глаза ее, близкие очень,
И море, отнявшее их.

* * *

Я весь в мазуте,
весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!

Печально пела радиола:
Про мимолетный наш уют.
На камни пламенного мола
Матросы вышли из кают.

Они с родными целовались.
В лицо им дул знобящий норд.
Суда гудели, надрывались,
Матросов требуя на борт...

И вот опять — святое дело!
И наш корабль, заботой полн,
Совсем не так осиротело
Плывет среди бескрайних волн...

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно — море,
А для уставших — свой причал...

В ОКЕАНЕ

Забрызгана
крупно
и рубка,
и рында,
Но час
отправления
дан!
И тральщик
тралфлота
треста
«Севрыба»
Пошел
промышлять
в океан...

Подумаешь,
рыба!
Треске
мелюзговой
Язвил я:
— Попалась уже? —
На встречные
злые
суда без улова
Кричал я:
— Эй, вы!
На баржс! —
А волны,
как мускулы,
взмыленно,
рьяно,
Буграми
в суровых тонах
Ходили
по черной
груди океана,
И чайки плескались
в волнах,
И долго,
и хищно,
стремясь поживиться,

С кричащей
голодной
тоской
Летели
большие
клювастые
птицы
За судном,
пропахшим
треской...

В КОЧЕГАРКЕ

Вьется в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег,
И стоит тяжелотелый
Возле топки человек.
Вместо «Здравствуйте»:
— В сторонку! —
Крикнул: — Новенький, кажись? —
И добавил, как ребенку:
— Тут огонь, не обожгись! —
В топке шлак ломал с размаху
Ломом, красным от жары.
Проступали сквозь рубаху

Потных мускулов бугры.
Бросил лом, платком утерся.
На меня глаза скосил:
— А тельняшка, что, для форсу? —
Иронически спросил.
Я смеюсь: — По мне для носки
Лучше вещи нету, факт!
— Флотский, значит?
— Значит, флотский.
Что ж, неплохо, коли так!
Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, — произнес,
И лопату, как награду,
Мне вручил: — Бери, матрос! —
...Пахло угольным угаром,
Лезла пыль в глаза и рот,
А у ног горячим паром
Шлак парил, как пароход.
Как хотелось, чтоб подуло
Ветром палубным сюда...
Но не дуло. Я подумал:
«И не надо! Ерунда!»
И с таким работал жаром,
Будто отдан был приказ
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!

ШТОРМ

Нарастали волны громовые,
Сразу душно стало в рубке тесной:
В сильный шторм попал матрос впервые,
Заболел матрос морской болезнью,
Перенесть труднее, чем горячку,
Этот вид болезни. И встревоженно
Старшина сказал ему: «На качку
Обращать вниманья не положено!»
Про себя ругая шквальный ветер,
Скрыл матрос свое недомоганье
И, собравшись с силами, ответил:
«Есть не обращать вниманья!»
И конечно, выполнил задачу,
Хоть болезнь совсем его измучила.
Верно говорят: «Моряк не плачет!»,
Не было еще такого случая.

НА ПЕРЕВОЗЕ

Паром.
Паромщик.
Перевоз.
И я с тетрадкой и с пером.

Не то что паром паровоз —
Нас парой вёсел
везпаром!
Я рос на этих берегах!
И пусть паром — не паровоз!
Как паровоз на всех парах,
Меня он
в детство
перевез.

* * *

Пора любви среди полей,
Среди закатов тающих
И на виду у журавлей,
Над полем пролетающих.

Теперь все это далеко.
Но в грустном сердце жжение
Пройдет ли просто и легко,
Как головокружение?

О том, как близким был тебе,
И о закатах пламенных
Ты с мужем помнишь ли теперь
В тяжелых стенах каменных?

Нет, не затмила ревность мир.
Кипел, но вспомнил сразу я:
Назвал чудовищем Шекспир
Ее, зеленоглазую.

И чтоб трагедией души
Не стала драма юности,
Я говорю себе: «Пиши
О радости, о лунности...»

И ты ходи почаще в луг
К цветам, к закатам пламенным,
Чтоб сердце пламенело вдруг,
Не стало сердце каменным.

Да не забудь в конце концов,
Хоть и не ты, не ты моя:
На свете есть матрос Рубцов,
Он друг тебе, любимая.

ТОВАРИЩУ

Что с того, что я бываю грубым?
Это потому, что жизнь груба.
Ты дымишь
своим надменным чубом,

Будто паровозная труба.
Ты одет по моде. Весь реклама.
Я не тот...
И в сумрачной тиши
Я боюсь, что жизненная драма
Может стать трагедией души.

НЕНАСТЬЕ

Погода какая!..
С ума сойдешь:
снег, ветер и дождь-зараза!
Как буйные слезы, струится дождь
по скулам железного Гааза...

Как резко звенел
в телефонном мирке
твой голос, опасный подвохом!
Вот трубка вздохнула в моей руке
осмысленно-тяжким вздохом
и вдруг онемела с раскрытым ртом...
Конечно, не провод лопнул!
Я дверь автомата открыл пинком
и снова
пинком
захлопнул...

И вот я сижу
и зубрю дарвинизм,
и вот в результате зубрежки —
внимательно ем
молодой организм
какой-то копченой рыбешки...
Что делать? —
ведь ножик в себя не вонжу,
и жизнь продолжается, значит.

На памятник Гааза в окно гляжу:
железный!
А все-таки... плачет.

НАЧАЛО ЛЮБВИ

Помню ясно,
Как вечером летним
Шел моряк по деревне —
и вот
Первый раз мы увидели ленту
С гордой надписью
«Северный флот».
Словно бурями с моря
пахнуло,

А не запахом хлеба с полей,
Как магнитом к нему потянуло,
Кто-то крикнул:
«Догоним скорей».
И когда перед ним появились
Мы, взметнувшие пыль с большака,
Нежным блеском глаза осветились
На суровом лице моряка.
Среди шумной ватаги ребячьей,
Будто с нами знакомый давно,
Он про море рассказывать начал,
У колодца присев на бревно.
Он был весел и прост в разговоре,
Руку нам протянул: «Ну пока!»
...Я влюбился в далекое море,
Первый раз повстречав моряка!

В ДОЗОРЕ

Визирщики
пощады не давали
Своим
молящим отдыха
глазам,
Акустиков, мы знали, сон не свалит!..

...В пути
никто
не повстречался нам.
Одни лишь волны
буйно
под ветрами
Со всех сторон —
куда ни погляди —
Ходили,
словно мускулы,
буграми
По океанской
выпуклой груди.
И быть беспечным
просто невозможно
Среди морских
загадочных дорог,
В дозоре путь
бывает
бестревожным,
Но не бывает
думы
без тревог!

ДРУГУ

Скоро ты воскликнешь: «Все готово!»
Я тебя до трапа провожу.
В качестве напутственного слова
«До свиданья скорого...» — скажу.
...Раскрывая с другом поллитровки
И улыбки девушкам даря,
Встретишь ты в домашней
обстановке
Юбилейный праздник Октября.
С виду ты такой молодцеватый
И всегда задумчивый такой.
Самые красивые девчата
Будут очарованы тобой.
Столько будет ярких впечатлений!
Против них не в силах устоять,
Много стихотворных сочинений
Ты запишешь в новую тетрадь...
Ты сейчас с особым прилежаньем
Отутюжь суконку и штаны.
Все твои законные желанья
В отпуске исполниться должны.

А когда воскликнешь: «Все готово»,
Я тебя до трапа провожу,
В качестве напутственного слова
«До свиданья скорого!» — скажу.
И, тебе завидуя немножко,
Вечерами долгими опять
Буду чистить флотскую картошку
И тебя с любовью вспоминать.

МОЕ МОРЕ

Эх ты, море мое
штормовое!
Как увижу я волны вокруг,
В сердце что-то проснется такое,
Что словами не выразишь вдруг.
Больно мне, если слышится рядом
Слабый плач
перепуганных птиц.
Но люблю я горящие
взгляды,
Озаренность взволнованных лиц.
Я труду научился на флоте,
И теперь на любом берегу

Без большого размаха
в работе
Я, наверное, жить не смогу...
Нет, не верю я
выдумкам ложным,
Будто скучно на Севере жить.
Я в другом убежден:
Невозможно
Героический край
не любить!

ОТПУСКНОЕ

Над вокзалом — ранних звезд мерцанье.
В сердце — чувств невысказанных рой.
До свиданья, Север!
До свиданья,
Край снегов и славы боевой!
До свиданья, шторма вой и скрежет
И ночные вахты моряков
Возле каменистых побережий
С путеводным светом маяков...
Еду, еду в отпуск в Подмосковье!
И в родном селении опять

Скоро, переполненный любовью,
Обниму взволнованную мать.
В каждом доме, с радостью встречая,
Вновь соседи будут за столом
Угощать меня домашним чаем
И большим семейным пирогом.
И с законной гордостью во взоре,
Вспомнив схватки с морем штормовым,
О друзьях, оставшихся в дозоре,
Расскажу я близким и родным,
Что в краю, не знающем печали,
Где плывут поля во все концы,
Нам охрану счастья доверяли
Наши сестры,
матери,
отцы.

МОРЕ

Вечно в движении, вечно волна
(Шумны просторы морские), —
Лишь человеку покорна она,
Сила суровой стихии.
К морю нельзя равнодушным быть...

Если, настойчиво споря,
Ты говоришь: «Не могу любить!» —
Значит, боишься моря!

* * *

Вредная,
неверная,
наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль,
Но жаль неимоверно,
Что меня, наверно, и не ждешь!
За окном,
таинственны, как слухи,
Ходят тени, шорохи весны.
Но грозой и чем-то в этом духе
Все же веют сумерки и сны!
Будь что будет!
Если и узнаю,
Что не нравлюсь, — сунусь ли в петлю?
Я нередко землю проклинаю,
Проклиная, все-таки люблю!
Я надолго твой,
хоть и недолго

Почему-то так была близка
И нежна к моей руке с наколкой
Та, с кольцом,
прохладная рука.
Вредная,
неверная,
наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль,
Но жаль неимоверно,
Что меня, наверное, не ждешь!

УТРО НА МОРЕ

1

Как хорошо! Ты посмотри!
В ущелье белый пар клубится,
На крыльях носят свет зари
Перелетающие птицы.
Соединясь в живой узор,
Бежит по морю рябь от ветра,
Калейдоскопом брызг и света
Сверкает моря горизонт.

Вчера там солнце утонуло,
Сегодня выплыло — и вдруг,
Гляди, нам снова протянуло
Лучи, как сотни добрых рук.

2

Проснись с утра,
со свежестью во взоре
Навстречу морю окна отвори!
Взгляни туда, где в ветреном просторе
Играют волны в отблесках зари.
Пусть не заметишь в море перемены,
Но ты поймешь, что празднично оно.
Бурлит прибой под шапкой белой пены,
Как дорогое красное вино!
А на скале, у самого обрыва,
Роняя в море призрачную тень,
Так и застыл в восторге молчаливом
Настороженный северный олень.
Заря в разгаре —
как она прекрасна!
И там, где парус реет над волной,
Встречая день, мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ РЕЙСА

Ах, как светло роятся огоньки!
Как мы к земле спешили издалече!
Береговые славные деньки!
Береговые радостные встречи!

Душа матроса в городе родном
Сперва блуждает, будто бы в тумане:
Куда пойти в бушлате выходном,
Со всей тоской,
с получкою в кармане?

Он не спешит ответить на вопрос,
И посреди душевной этой смуты
Переживает, может быть, матрос
В суровой жизни лучшие минуты.

И все же лица были бы угрюмы
И моряки смотрели тяжело,
Когда б от рыбы не
ломились трюмы,
Когда б сказать пришлось:
«Не повезло».

НА ПЛАЦУ

(Шутка)

Я марширую на плацу.
А снег стегает по лицу!

Я так хочу иметь успех,
Я марширую лучше всех!

Довольны мною все кругом!
Доволен мичман и старпом!

И даже — видно по глазам —
Главнокомандующий сам!

* * *

(Шутка)

Мое слово верное
прозвенит!
Буду я, наверное,
знаменит!
Мне поставят памятник
на селе!
Буду я и каменный
навеселе!..

ТЫ С КОРАБЛЕМ ПРОЩАЛАСЬ...

С улыбкой на лице и со слезами
Осталась ты на пристани морской,
И снова шторм играет парусами
И всей моей любовью и тоской!

Я уношусь куда-то в мирозданье,
Я зарываюсь в бурю, как баклан, —
За вечный стон, за вечное рыданье
Я полюбил жестокий океан.

Я полюбил чужой полярный город
И вновь к нему из странствия вернусь
За то, что он испытывает холод,
За то, что он испытывает грусть,

За то, что он наполнен голосами,
За то, что там к печали и добру
С улыбкой на лице
и со слезами
Ты с кораблем прощалась
на ветру...

Я ТЕБЯ ЦЕЛОВАЛ...

Я тебя целовал сквозь слезы.
Только ты не видела слез,
Потому, что сырой и темной
Была осенняя ночь.

По земле проносились листья,
А по морю — за штормом шторм,
Эти листья тебе остались,
Эти штормы достались мне.

Широко, отрешенно, грозно
Бились волны со всех сторон,
Но порой затихало море
И светилась заря во мгле.

Я подумал, что часто к морю
Ты приходишь и ждешь меня,
И от этой счастливой мысли
Будто солнце в душе зажглось!

Пусть тебе штормовые стоны
Выражают мою печаль,
А надежду мою и верность
Выражает заря во мгле...

ШТОРМ

Бушует сентябрь. Негодует народ.
И нету конца канители!
Беспомощно в бухте качается флот,
Как будто дитя в колыбели...

Бывалых матросов тоска томит,
Устали бренчать на гитаре...
— Недобрые ветры подули, Смит!
— Недобрые ветры, Гарри!

— Разгневалось море, — сказал матрос.
— Разгневалось, — друг ответил.
И долго молчали, повесив нос,
И слушали шквальный ветер...

Безделье такое матросов злит.
Ну, море! Шумит и шпарит!
— А были хорошие ветры, Смит!
— Хорошие ветры, Гарри!

И снова, маршрут повторяя свой,
Под мокрой листвою бурой
По деревянной сырой мостовой
Матросы гуляли хмуро...

СОЛОВЬИ

В трудный час, когда ветер полощет зарю
В темных струях нагретых озер,
Я ищу, раздвигая руками ивняк,
Птичьи гнезда на кочках в траве...
Как тогда, соловьями затоплена ночь,
Как тогда, не шумят тополя.
А любовь не вернуть,
как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля!

Соловьи, соловьи заливались, а ты
Заливалась слезами в ту ночь;
Закатился закат — закричал паровоз,
Это он на меня закричал!

Я умчался туда,
где за горным хребтом
Многогорбый старик океан,
Разрыдавшись, багровые волны-горбы
Разбивает о лбы валунов.

Да, я знаю, у многих проходит любовь,
Все проходит, проходит и жизнь,
Но не думал тогда и подумать не мог,
Что и наша любовь позади.

А когда, отслужив, воротился домой,
Безнадежно себя ощутил
Человеком, которого смыло за борт:
Знаешь, Тайка встречалась с другим!

Закатился закат. Задремало село.
Ты пришла и сказала: «Прости».
Но простить я не мог,
потому что всегда
Слишком сильно я верил тебе!

Ты сказала еще:
— Посмотри на меня!
Посмотри — мол, и мне нелегко. —
Я ответил, что лучше
на звезды смотреть,
Надоело смотреть на тебя!

Соловьи, соловьи
заливались, а ты
Все твердила, что любишь меня.
И, угрюмо смеясь, я не верил тебе.
Так у многих проходит любовь...

В трудный час, когда ветер полощет зарю
В темных струях нагретых озер,

Птичьи гнезда ищу, раздвигаю ивняк.
Сам не знаю, зачем их ищу.

Это правда иль нет, соловьи, соловьи,
Это правда иль нет, тополя,
Что любовь не вернуть,
как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля?

ХОРОШИЙ УЛОВ

У тралмейстера крепкая глотка —
Он шумит, вдохновляя аврал!
Вот опять загремела лебедка,
Выбирая загруженный трал.

Сколько всякой на палубе рыбы!
Трепет камбал — глубинниц морей,
И зубаток пятнистые глыбы
В красной груде больших окуней!

Здесь рождаются добрые вести,
Что обрадуют мурманский стан!
А на мостике в мокрой зюйдвестке
С чашкой кофе стоит капитан.

Капитан, как вожатая птица,
В нашей стае серьезен один:
Где-то рядом в тумане таится
Знаменитый скалистый
Кильдин...

ВЕСНА НА МОРЕ

Вьюги в скалах отзвучали.
Воздух светом затопив,
Солнце брызнуло лучами
На ликующий залив!

День пройдет —
устанут руки.
Но, усталость заслонив,
Из души живые звуки
В стройный просятся мотив.

Свет луны ночами тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котенок,
Все скребется о причал...

ПОРТОВАЯ НОЧЬ

На снегу, как тюлени,
Лежат валуны,
Чайки плещутся в пене
Набежавшей волны.
Порт в ночи затихает,
Все закончили труд,
Огоньками мигает
Их домашний уют...
Вдруг вода загрохочет
У бортов кораблей,
Забурлит, заклокочет,
Как в кипящем котле.
И под шум стоголосый,
Пробуждаясь, опять
Будут жены матросов
Свет в домах зажигать.
Будет снова тревожен
Их полночный уют,
И взволнованно тоже
Дети к окнам прильнут.
Знать, поэтому шквалам,
Нагоняющим жуть,
К заметеленным скалам
Корабли не свернуть.

О СОБАКАХ

Не могу я
Видеть без грусти
Ежедневных
Собачьих драк, —
В этом маленьком
Захолустье
Поразительно много
Собак!
Есть мордастые —
Всякой масти,
Есть поджарые —
Всех тонов!
Только тронь —
Разорвут на части
Иль оставят вмиг
Без штанов...
Говорю о том
Не для смеху.
Я однажды
Подумал так:
Да! Собака —
Друг человеку
Одному,
А другому — враг...

НИЧЕГО НЕ СТАНУ ДЕЛАТЬ

Год пройдет...
 другой...
 а там уж —
Что тут много говорить? —
Ты, конечно, выйдешь замуж,
Будешь мужу суп варить.

Будет муж тобой гордиться,
И катать тебя в такси,
И вокруг тебя кружиться,
Как Земля вокруг оси.

Что ж? Мешать я вам
 не стану,
Буду трезв и буду брит,
Буду в дом носить сметану,
Чтобы дед лечил гастрит.

Ничего не стану делать,
Чтоб нарушить ваш покой.
На свиданье ночью белой,
Может быть,
 пойду с другой...

Так чего ж, забившись в угол,
Сузив желтые зрачки,
На меня твоя подруга
Мрачно смотрит
сквозь очки?..

* * *

Осень! Летит по дорогам
Осени стужа и стон!
Каркает около стога
Стая озябших ворон.
Скользкой неровной тропою
В зарослях пасмурных ив
Лошадь идет с водопоя,
Голову вниз опустив.
Мелкий, дремотный, без меры,
Словно из множества сит,
Дождик знобящий и серый
Все моросит, моросит...
Жнивы, деревья и стены
В мокрых сетях полутьмы
Словно бы ждут перемены —
Чистой, веселой зимы!

* * *

В твоих глазах
Для пристального взгляда
Какой-то есть
Рассеянный ответ...
Небрежно так
Для летнего наряда
Ты выбираешь нынче
Желтый цвет.
Я слышу голос
Как бы утомленный,
Я мало верю
Яркому кольцу...
Не знаю, как там
Белый и зеленый,
Но желтый цвет
Как раз тебе к лицу!
До слез тебе
Нужны родные стены,
Но как прийти
К желанному концу?
И впрямь, быть может,
Это цвет измены,
А желтый цвет
Как раз тебе к лицу...

НАД РЕКОЙ

Жалобно в лесу кричит кукушка
О любви, о скорби неизбежной...
Обнялась с подружкою подружка
И, вздыхая, жалуется нежно:

— Погрусти, поплачь со мной, сестрица.
Милый мой жалел меня не много.
Изменяет мне и не стыдится.
У меня на сердце одиноко...

— Может быть, еще не изменяет, —
Тихо ей откликнулась подружка, —
Это мой стыда совсем не знает,
Для него любовь моя — игрушка...

Прислонившись к трепетной осинке,
Две подружки нежно целовались,
Обнимались, словно сиротинки,
И слезами горько обливались.

И не знали юные подружки,
Что для грусти этой, для кручины,
Кроме вечной жалобы кукушки,
Может быть, и не было причины.

Может быть, ребята собирались,
Да с родней остались на пирушке,
Может быть, ребята сомневались,
Что тоскуют гордые подружки.

И когда задремлет деревушка
И зажгутся звезды над потоком,
Не кричи так жалобно, кукушка!
Никому не будет одиноко...

ВОСПОМИНАНИЕ

Помню, луна смотрела в окно.
Роса блестела на ветке.
Помню, мы брали в ларьке вино
И после пили в беседке.

Ты говорил, что покинешь дом,
Что жизнь у тебя в тумане,
Словно о прошлом, играл потом
«Вальс цветов» на баяне.

Помню я дождь и грязь на дворе,
Вечер темный, беззвездный,
Собака лаяла в конуре
И глухо шумели сосны...

ВЕНЕРА

Где осенняя стужа кругом
Вот уж первым ледком прозвенела,
Там любовно над бедным прудом
Драгоценная блещет Венера!..

Жил однажды прекрасный поэт,
Да столкнулся с ее красотою.
И душа, излучавшая свет,
Долго билась с прекрасной звездою!

Но Венеры играющий свет
Засиял при своем приближенье,
Так, что бросился в воду поэт
И уплыл за ее отраженьем...

Старый пруд забывает с трудом,
Как боролись прекрасные силы,
Но Венера над бедным прудом
Доведет и меня до могилы!

Да еще в этой зябкой глуши
Вдруг любовь моя — прежняя вера —
Спать не даст, как вторая Венера
В небесах возбужденной души!

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Ветер под окошками,
тихий, как мечтание,
А за огородами
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней.
К табуну
с уздечкою
выбегу из мрака я,
Самого горячего
выберу коня,
И по травам скошенным,
удилами звякая,
Конь в село соседнее
понесет меня.
Пусть ромашки встречные
от копыт сторонятся,
Вздрогнувшие ивы
брызгают росой, —
Для меня, как музыкой,
снова мир наполнится

Радостью свидания
с девушкой простой!
Все люблю без памяти
в деревенском
стане я,
Будоражат сердце мне
в сумерках полей
Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней...

ПЕРВОЕ СЛОВО

Холод, сосны, звезды в ноябре.
Поцелуи наши на дворе.
Как в тумане яркие огни,
В памяти сияют эти дни...

Вдруг, порывы юности поправ,
Стал моим диктатором устав, —
Отшумел волос девятый вал,
Штиль на голове,
в глазах — аврал.

Все же слово молодости
«долг»,
То, что нас на флот ведет
и в полк,
Вечно будет, что там ни пиши,
Первым словом мысли и души!

ГРУСТЬ

Любимый край мой, нежный и веселый.
Мне не забыть у дальних берегов
Среди полей задумчивые села,
Костры в лугах и песни пастухов.
Мне не забыть друзей и нашу школу
И как в тиши июльских вечеров
Мы заводили в парке радиолу
И после танцевали «Вальс цветов»...
А дни идут...
На палубе эсминца
Стою сейчас. Темнеет небосклон.
Чернеют скалы. Волны вереницей
Стремительно бегут со всех сторон.
Смотрю во тьму. И знаю я, что вскоре
Опять маяк просемафорит нам.
И мы уйдем в бушующее море
По перекатным взвихренным волнам...

Любимый край мой, нежный и веселый,
Февральских нив серебряный покров
И двор пустынный, снегом занесенный...
Как я грущу у дальних берегов!
И передаст стихов живая краткость,
Что с этой грустью радостно дружить,
Что эта грусть, похожая на радость,
Мне помогает Родине служить!

ПЕРВЫЙ ПОХОД

От брызг и ветра
губы были солоны,
Была усталость в мускулах остра.
На палубу обрушивались волны,
Перелетали через леера.
Казался сон короче
вспышки залповой.
И обостренность чувств такой была,
Что резкие звонки тревог внезапных
В ушах гремели,
как колокола.
И вот тогда
до головокружения
(Упорством сам похожий на волну)
Я ощутил пространство и движение...

И с той поры
у моря я в плену!
И мне обидно,
если вижу слабого,
Такого, что, скривив уныло рот,
В матросской жизни
не увидит главного
И жалобы высказывать начнет.
Когда бушует море одичалое
И нет конца тревожности «атак»,
Как важно верить
с самого начала,
Что из тебя получится моряк!

НА ВАХТЕ

...Ах, этот мир, на кладбище похожий!
Могильный мрак сгущается вдали.
Но я привык. Я чувствую без дрожи
Вращенье умирающей земли.
И, головой упершись в воздух плотный,
Ногой на кнехт небрежно наступив,
Вот и сейчас я с миной беззаботной
Плюю с борта в чернеющий залив.
А вахта кончится —
конечно, не заплачу.

Уйду, возьму газетку перед сном,
Стакан воды холодной (...),
И все пойдет обычным чередом.

* * *

Да будет тот счастливый вечер,
Когда за праздничным столом
Ты будешь водкой обеспечен
С большим семейным пирогом.
И вновь, забытым чувствам внемля,
Сквозь поздравлений
громкий шквал
Ты вспомни пасмурную землю,
Сплошь состоящую из скал.
Как волны грохали за бортом,
И, над ведром разинув пасть,
Бранился ты на воздух спертый,
На сногсшибательную трясь.
Все-все припомни для начала,
И, над столом поднявшись в рост,
Провозгласи, в руке с бокалом,
За тех, кто в море, — первый тост!

СТО «НЕТ»

В окнах зеленый свет,
Странный, болотный свет...
Я не повешусь, нет,
Не помешаюсь, нет...
Буду я жить сто лет,
И без тебя — сто лет.
Сердце не стонет, нет,
Нет! Сто «нет»!

МОРЕ

Я у моря ходил. Как нежен
Был сапфировый цвет волны.
Море жизнь вдыхало и свежесть
Даже в мертвые валуны,
Прямо в сердце врывалось силой
Красоты, бурлившей вокруг.
Но великой братской могилой
Мне представилось море вдруг.
Под водою бездонно-синей
В годы грозные, без следа,
Сколько храбрых сынов России

Похоронено навсегда!..
Говорят, что моряк не плачет,
Все же слез я сдержать не смог.
Словно брызги крови горячей
Расплескала заря у ног.
Стало сердце болью самою.
Но росло торжество ума:
Свет над морем борется с тьмою,
И пред ним отступает тьма!

ВСТРЕЧА

Ветер зарю полощет
В теплой воде озер...
Привет вам, луга и рощи,
И темный сосновый бор,
И первых зарниц сверканье,
И призрачный мрак полей
С нетерпеливым ржаньем
Стреноженных лошадей!..
Вот трактор прибавил газу,
Врезая в дорогу след.
Мне тракторист чумазый
Машет рукой: «Привет!»
Мычащее важное стадо

Бежит луговиной в лес.
И сердце до боли радо
Покою родимых мест.
Невольно вспомнилось море.
И я, отпускник-матрос,
Горжусь, что в морском дозоре
Бдительно вахту нес!

* * *

Бывало, вырядимся с шиком
В костюмы, в шляпы и — айда!
Любой красотке с гордым ликом
Смотреть на нас приятно, да!

Вина веселенький бочонок,
Как чудо, сразу окружен,
Мы пьем за ласковых девчонок,
А кто постарше, те — за жен!

Ах, сколько их в кустах и в дюнах,
У белых мраморных колонн
Мужчин, взволнованных и юных,
А сколько женщин!
Миллион!

У всех дворцов, у всех избушек
Кишит портовый праздный люд!
Гремит оркестр, палят из пушек —
Дают над городом салют!

ПОЭЗИЯ

Сквозь ветра поющий полет
И волн громовые овации
Корабль моей жизни плывет
По курсу
к демобилизации.

Всю жизнь не забудется флот,
И вы, корабельные кубрики,
И море, где служба идет
Под флагом Советской Республики.

Но близок тот час, когда я
Сойду с электрички на станции.
Продолжится юность моя
В аллеях с цветами и танцами.

В труде и средь каменных груд,
В столовых, где цены уменьшены.

И пиво на стол подают
Простые красивые женщины.

Все в явь золотую войдет,
Чем ночи матросские грезили...
Корабль моей жизни плывет
По морю любви и поэзии.
1959

ВСПОМНИЛОСЬ МОРЕ

Крыша. Над крышей луна.
Пруд. Над прудом бузина.
Тихо. И в тишине
Вспомнилось море мне.
Здесь бестревожно.
А там,
В хмуром дозоре ночном,
Может, сейчас морякам
Сыгран внезапный подъем.
Тополь. Ограда. Скамья.
Пташек неровный полет...
Скоро из отпуска я
Снова уеду на флот.
Я расскажу, как у нас

Дружным звеном из ворот
С радостью в утренний час
В поле выходит народ.
Я в чистоте берегу
Гордое званье матрос,
Я разлюбить не смогу
Край, где родился и рос.
Крыша. Над крышей луна.
Пруд. Над прудом бузина...
С детства мне дорог такой
Родины светлый покой.

СЕСТРА

Наш корабль с заданием
В море уходил.
Я ж некстати в госпиталь
Угодил!
Разлучась с просторами
Всех морей и скал,
Сразу койку белую
Ненавидеть стал.
Думал,
Грусть внезапную
Как бы укротить?

Свой недуг мучительный
Чем укоротить?
— Жизнь! —
Иронизировал, —
Хоть кричи «ура»!
Но в палату шумную
Вдруг вошла сестра.
— Это вы бунтуете? —
В голосе укор.
Ласковей добавила:
— Сделаем укол.
Думал я о чуткости
Рук, державших шприц,
И не боли,
Радости
Не было границ...

СЕВЕРНАЯ БЕРЕЗА

Есть на севере береза,
Что стоит среди камней.
Побелели от мороза
Ветви черные на ней.
На морские перекрестки

В голубой дрожащей мгле
Смотрит пристально березка,
Чуть качаясь на скале.
Так ей хочется «Счастливо!»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей все нет и нет...
Спят морские перекрестки,
Лишь прибой гремит во мгле.
Грустно маленькой березке
На обветренной скале.
1957

МИНУТА ПРОЩАНИЯ

...Уронила шелк волос
Ты на кофту синюю.
Пролил тонкий запах роз
Ветер под осиною.
Расплескала в камень струи
Цвета винного волна —
Мне хотелось в поцелуи
Душу выплескать до дна!

ОБО МНЕ ГОВОРЯТ

Говорят, что жить я не могу,
Что не прячусь я от непогоды,
Говорят, что я не берегу
Драгоценной молодости годы!
Да, они правы, что я спешу!
Но спешу не ради личной славы,
Не простят хвалебный этот шум
Горных сел обычаи и нравы!
Ты свети в дали своей, свети,
Счастье! Ты зови меня, как сына!
Достигают счастья лишь в пути,
А не возле теплого камина.
Да, спешу я к людям деревень
И к живущим в городе рабочим.
Я спешу сказать им: «Добрый день!»,
Я спешу сказать им: «Доброй ночи!»
Я спешу и к сумеркам глухим,
И к рожденью солнечных рассветов.
Я спешу сложить свои стихи,
И прочесть стихи других
поэтов...

ЖЕРЕБЕНОК

Он увидал меня и замер,
Смешной и добрый, как божок.
Я повалил его на травку,
На чистый, солнечный лужок!
И долго, долго, как попало,
На животе, на голове,
С восторгом, с хохотом и ржаньем
Мы кувыркались по траве...

УЗНАЛА

В дверь из метели старик-водовоз
Утром вошел, и Аленка сказала:
— Мама, ты видишь, пришел Дед-Мороз,
Я его сразу-пресразу узнала!

МАЛЬЧИК ВОВА

Подошла к нему корова.
— Уходи! — сказал ей Вова.
А корова не уходит.
Вова слов уж не находит,
Не поймет, что это значит,
На нее глядит и плачет...

ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ЗООПАРКА

Ночь наступила.
Заснули дома.
Город заснувший
Окутала тьма.
Спать малыша
Уложили в кровать.
Только малыш
И не думает спать.
Мама не может
Понять ничего.
Мама негромко
Спросила его:
— Что тебе, милый,
Уснуть не дает?
— Мама, а как
Крокодил поет?

МАЛЕНЬКИЕ ЛИЛИ

(Для детей)

Две маленькие
Лили —
лилипуты
увидели на иве желтый прутик.

Его спросили Лили:
— Почему ты
не зеленеешь,
прутик-лилипутик? —
Пошли
за лейкой
маленькие Лили,
на шалости не тратя ни минуты.
И так усердно,
как дожди не лили,
на прутик лили
Лили —
лилипуты.

1960

МАЛЬЧИК ЛЕВА

Горько плакал мальчик Лева
Потому, что нету клева.
— Что с тобой? — спросили дома,
Напугавшись пуще грома.
Он ответил без улыбки:
— Не клюют сегодня рыбки...

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Прекрасно пробуждение земли!
Как будто в реку —
окунусь в природу...
И что я вижу: золото зари
Упало на серебряную воду.

Густая тьма еще живет в дубравах.
Ты по дороге тихо побредешь...
Роса переливается на травах,
Да так, что даже слов не подберешь!

А вот цветы. Милы ромашки, лютик.
Как хорошо! Никто здесь не косил.

В такое утро все красивы люди.
Я сам, наверно, до чего красив...

Тень от меня летит по полю длинно...
Так вот она, вся прелесть бытия:
Со мною рядом синяя долина,
Как будто чаша, полная питья!

Все в мире в этот час свежо и мудро.
Слагается в душе негромкий стих.
Не верю я, что кто-то в это утро
Иное держит в замыслах своих.

Бросаю радость полными горстями.
Любому низко кланяюсь кусту.
Выходят в поле чистое крестьяне
Трудом украсить эту красоту.

* * *

Листвой пропащей,
знобящей мглою
Заносит буря неясный путь.
А ивы гнутся над головою,
Скрипят и стонут —
не отдохнуть.

Бегу от бури, от помрачений...
И вдруг я вспомню твое лицо,
Игру заката во мгле вечерней,
В лучах заката твое кольцо.
Глухому плеску на дне оврага,
И спящей вербе, и ковылю
Я, оставаясь, твердил из мрака
Одно и то же: — Люблю, люблю!
Листвой пропащей,
зянобящей мглою
Заносит буря безлюдный путь.
И стонут ивы над головою,
И воет ветер — не отдохнуть!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы
И — плачу...

ПРОЩАЛЬНЫЕ СТИХИ

Шантаренкову

Зима глухая бродит по дорогам,
И вьюга злая жалобно скулит...
Я ухожу до времени и срока,
Как мне судьба постылая велит.

И я скажу: в суровую минуту
Не так легко без друга обойтись,
Тебя, как тень, преследует повсюду
Шальной недуг, куда ни оглянись.

Но если друг при первом испытанье
Вдруг изменяет совести своей,
О нем дурную память в ожиданье
Грядущих дней безжалостно
разбей!..

...И пусть он склонен был великодушно
Простить тебе обиду и пустяк,
И пусть вы жили весело и дружно,
Деля последний, может быть, пятак!

Что пользы в том?
Забудь о нем,
однако:
Такого друга разве не найдешь
В любом другом, кто только
не собака
И на нее покуда не похож?

* * *

Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор пристанища мне нет...
Есть в мире этом страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!
Вокруг меня ничто неразличимо,
И путь укрыт от взора моего,
Иду, бреду туманами седыми;
Не знаю сам, куда и для чего?
В лицо невзгодам гордою улыбкой
Ужели мне смеяться целый век?
Ужели я, рожденный по ошибке,
Не идиот, не гад, не человек?
Иль нам унынью рано предаваться,
На все запас терпения иметь?
Пройти сквозь бури, грозы, чтоб назваться
Среди других глупцом и... умереть?
Когда ж до слез, до боли надоели,
Заботы все забвению предать?
И слушать птиц заливистые трели
И с безнадежной грустью вспоминать?

И вспомню я...
Полярною зимою
Как ночь была темна и холодна!
Казалось, в мире этом под луною
Она губить все чувства рождена!
Как за окном скулил, не умолкая,
Бездомный ветер, шляясь над землей,
Ему щенки вторили, подвывая, —
И все в один сливалось жуткий вой!
Как, надрываясь, плакала гармошка,
И, сквозь кошмар в ночной врываясь
час,
Как где-то дико грохали сапожки —
Под вой гармошки — русский перепляс.
...Бродить и петь про тонкую рябину,
Чтоб голос мой услышала она:
Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена!..

1955 г., январь

СКАЗКА-СКАЗОЧКА

Влетел ко мне какой-то бес.
Он был не в духе или пьян.
И в драку сразу же полез:
Повел себя как хулиган!

И я сказал: — А кто ты есть?
Я не люблю таких гостей.
Ты лучше с лапами не лезь:
Не соберешь потом костей!

Но бес от злости стал глупей
И стал бутылки бить в углу.
Я говорю ему: — Не бей!
Не бей бутылки на полу!

Он вдруг схватил мою гармонь.
Я вижу все. Я весь горю!
Я говорю ему: — Не тронь,
Не тронь гармошку! — говорю.

Хотел я было напрямик
На шпагах драку предложить,
Но он взлетел на полку книг.
Ему еще хотелось жить!

Уткнулся бес в какой-то бред
И вдруг завыл: — О, божья мать!
Я вижу лишь лицо газет,
А лиц поэтов не видать...

И начал книги из дверей
Швырять в сугробы
декабрю.
...Он обнаглел, он озверел!
Я... ничего не говорю.
1960

НУ ПОГОДИ...

Ну погоди, остановись, родная.
Гляди, платок из сумочки упал!
Все говорят в восторге: «Ах, какая!»
И смотрят вслед...
А я на все начхал!
Начхал в прямом и переносном смысле.
И знаю я: ты с виду хороша,
Но губы у тебя давно прокисли,
Да и сама не стоишь ни гроша!
Конечно, кроме платья и нательных
Рубашек там и прочей ерунды,
Конечно, кроме туфелек модельных,
Которые от грязи и воды
Ты бережешь...
А знаешь ли, что раньше

Я так дружил с надеждою одной, —
Что преданной и ласковой,
без фальши,
Ты будешь мне
когда-нибудь
женой...
Прошла твоя пора любви и мая,
Хотя желаний не иссяк запал...
...Ну погоди, остановись, родная,
Гляди, платок из сумочки упал!

* * *

Не подберу сейчас такого слова,
Чтоб стало ясным все в один момент,
Но не забуду Кольку Белякова
И Колькин музыкальный инструмент.

Сурова жизнь. Сильны ее удары.
И я люблю, когда сойдемся вдруг,
Подолгу слушать музыку гитары,
В которой полон смысла каждый звук.

Когда-то я мечтал под темным дубом,
Что невеселым мыслям есть конец,

Что я не буду с девушками грубым
И пьянствовать не стану, как отец.

Мечты, мечты...
                                А в жизни все иначе.
Нельзя никак прожить без кабаков.
И если я спрошу: «Что это значит?» —
Мне даст ответ лишь Колька Беляков.

И пусть сейчас не подберу я слова.
Но я найду его в другой момент,
Чтоб рассказать про Кольку Белякова
И про его чудесный инструмент.

1957

О ПРИРОДЕ

Если б деревья и ветер,
        который шумит в деревьях,
Если б цветы и месяц,
        который светит цветам, —
Все вдруг ушло из жизни,
        остались бы только люди,
Я и при коммунизме
        не согласился б жить!

1957

НА ЗЛОБУ ДНЯ*

(Экспромт)

Космонавты советской земли,
Люди самой возвышенной цели,
Снова сели в свои корабли,
Полетели, куда захотели!
Сколько ж дней, не летая ничуть,
Мне на улице жить многостенной?
Ах! Я тоже на небо хочу!
Я хочу на просторы
Вселенной!

Люди! Славьте во все голоса
Новый подвиг советских героев!
Скоро все улетим в небеса
И увидим, что это такое...

Только знаю: потянет на Русь!
Так потянет, что я поневоле
Разрыдаюсь, когда опущусь
На свое вологодское поле...

---

* Стихи написаны в день начала совместного космического полета Андрияна Николаева и Павла Поповича.

Все стихи про земную красу
Соберу и возьму их под мышку
И в издательство их отнесу —
Пусть они напечатают
книжку!

12 августа 1962 г.

РЕПОРТАЖ

К мужику микрофон подносят,
Тянут слово из мужика.
Рассказать о работе просят
В свете новых решений ЦК!

Мужику
непривычно трёкать.
Вздох срывается с языка.
Нежно взяли его за локоть,
Тянут
слово
из мужика!

* * *

Ночь коротка. А жизнь, как ночь,
длинна.
Не сплю я. Что же может мне
присниться?
По половицам ходит тишина.
Ах, чтобы ей сквозь землю
провалиться!
Встаю, впотьмах в ботинки долго
метясь.
Открою двери, выйду из сеней...
Ах, если б в эту ночь родился
месяц —
Вдвоем бы в мире было веселей!
Прислушиваюсь... Спит село
сторожко.
В реке мурлычет кошкою вода.
Куда меня ведет, не знаю,
стежка,
Которая и в эту ночь видна.
Уж лучше пусть поет петух, чем
птица.
Она ведь плачет — всякий
примечал.

Я сам природы мелкая частица,
Но до чего же крупная печаль!
Как страшно быть на свете
одиноким...
Иду назад, минуя темный сад.
И мгла толпится до утра у окон.
И глухо рядом листья шелестят.
Как хорошо, что я встаю с зарею!
Когда петух устанет голосить,
Веселый бригадир придет за
мною.
И я пойду в луга траву косить.
Вот мы идем шеренгою косою.
Какое счастье о себе забыть!
Цветы ложатся тихо под косою,
Чтоб новой жизнью на земле
зажить.
И думаю я — смейтесь иль
не смейтесь —
Косьбой проворной на лугу
согрет,
Что той, которой мы боимся, — смерти,
Как у цветов, у нас ведь тоже нет!
А свежий ветер веет над плечами.
И я опять страдаю и люблю...
И все мои хорошие печали
В росе с косою вместе утоплю.

* * *

Василию Тимофеевичу

Я не плыл на этом пароходе,
На котором в Устюг
плыли Вы,
Затерялся где-то я в народе
В тот момент
на улицах Москвы.
Что же было там,
на пароходе?
Процветала радость или грусть?
Я не видел этого, но вроде
Все, что было, знаю наизусть.
Да и что случилось там,
в природе,
Так сказать, во мгле моей души,
Если с Вами я на пароходе
Не катался в сухонской глуши?
Просто рад я случаю такому
Между строк товарищей своих
Человеку, всем нам дорогому,
Как привет, оставить
этот стих...

ПАРОДИЯ

Куда меня, беднягу, завезло!
Таких местов вы сроду не видали!
Я нажимаю тяжко на педали,
Въезжая в это дикое село!
А водки нет
в его ларьке убогом,
В его ларьке единственном, косом...
О чем скрипишь
передним колесом,
Мой ржавый друг?
О, ты скрипишь о многом!..

1962

ЖАЛОБА АЛКОГОЛИКА

Живу я в Ленинграде
На сумрачной Неве.
Давно меня не гладил
Никто по голове.

И на рабочем месте,
И в собственном углу
Все гладят против шерсти —
А я так не могу!

Пусть с горя я напился —
Я тоже человек!
Зачем не уродился
Я в двадцать первый век?!

* * *

Среди обыденного
Окруженья,
Среди обыденных гостей
Мои ленивые движенья
Сопровождают
Скрип костей.
Среди такого окруженья
Живется легче
Во хмелю,
И, как предмет воображенья,
Я очень призраки люблю...

1962

ДВА ПУТИ

Рассыпáлись
листья по дорогам.
От лесов угрюмых падал мрак...
Спите все до утреннего срока!

Почему выходите
на тракт?

Но, мечтая, видимо, о чуде,
По нему, по тракту, под дождем
Все на пристань
двигаются люди
На телегах, в седлах и пешком.

А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда.

Кто же знает,
может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой,
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.

1950 г.
с. Никольское Вологодской обл.

ЖИТЬ ПО-РАЗНОМУ КОНЧАЮТ

Что бы в старости ни сталось,
Я представить не могу,
Что на склоне лет усталость
И меня согнет в дугу!

Даже в час пустой и скверный
Не поверю в ту муру.
Просто я, как всякий смертный,
Знаю то, что я умру.

Помню я про этот финиш,
Но не кинусь в бред и дрожь,
Мол, куда стопы ни двинешь,
Все равно туда придешь!

На земле, где так отчаян
Жидконогий род пройдох,
Жить по-разному кончают:
Рузвельт умер,
Геринг — сдох!

1962

РУССКИЙ БОГАТЫРЬ ИВАН РОЩУНКИН

— Кто ты? —
сурово спросил Чингисхан.
— Рощункин я, — отвечает Иван.
— Русский? — угрюмо спросил
Чингисхан.
— Что ты пристал? —
возмутился Иван,
Вызвал его на сражение в дол, —
Пал в этой схватке
ужасный монгол...
Годы неслись, как свирепая
Бия, —
Рощункин встретил однажды
Батыя.
— Кто ты? —
Спросил Чингисхана потомок.
Зря был потомок
надменен и груб:
Рощункин вызвал его
из потемок
И превратил в обезглавленный труп...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Нет, меня не пугают морозы.
Звезды в небе большие, как розы.
Полюбил я сильнее, чем очень,
Эти звездные зимние ночи.
Нет, меня не пугают морозы.
Я не чувствую холода даже.
По душе мне родные пейзажи.
Вот снежинки, как белые пчелы,
Снова кружатся роем веселым.
И не чувствую холода даже.
Я иду по знакомой дороге.
Мне дорога ложится под ноги.
В сердце чувство проснулось такое,
Будто в царство любви и покоя
Я иду по знакомой дороге.
Там, за дальней заснеженной
чащей,
Может, встречу нечаянно счастье,
О котором ни разу не думал...
Небо звезды роняет без шума
Над умолкшей заснеженной чащей.

* * *

Не надо, не надо, не надо,
Не надо нам скорби давно!
Пусть будут река и прохлада,
Пусть будут еда и вино.
Пусть Вологда будет родная
Стоять нерушимо, как есть,
Пусть Тотьма, тревоги не зная,
Хранит свою ласку и честь.
Болгария пусть расцветает
И любит чудесную Русь,
Пусть школьник поэтов читает
И знает стихи наизусть.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1962—1971

ИЗ РАННИХ СТИХОВ. 1957—1962

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

Рубцов Николай

Стихотворения

Ответственный редактор Ю.М. Раутборт
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Н.Г. Суворова
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область, г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Николай

РУБЦОВ

Николай Рубцов (1936–1971) – один из лучших отечественных поэтов XX века, человек трагической судьбы и огромного таланта. Недооцененный и недопонятый при жизни, сумевший опубликовать ВСЕГО ЧЕТЫРЕ тоненьких сборника стихов, теперь он по праву считается гением русской поэзии и достойным наследником творческих принципов Сергея Есенина.

Стихотворения

Стихотворения Николая Рубцова. Внешне простые, они подкупают неподдельной искренностью, эмоциональностью, почти фольклорной афористичностью и певучей лиричностью.

Не потому ли поэзия Рубцова прочно вошла в народное сознание?..

ISBN 5-17-036553-5
9 785170 365531